

Анна
КОРОЛЁВА

Сон

Спор с

МАЖОРОМ

Или

как открыть

КАФЕ МЕЧТЫ

Анна Королёва

**Спор с мажором или как
открыть кафе мечты**

«Литнет»

2025

Королёва А.

Спор с мажором или как открыть кафе мечты / А. Королёва —
«Литнет», 2025

Книга Завершена Без бабла, зато с идеей. Именно в такой ситуации я оказалась, когда мой “обожаемый” парень потратил наш общий стартовый капитал, которое я копила на своё кафе-мечты. Теперь, если я срочно не найду инвестора, то и кафе уйдет другим покупателям, и сгорят отданный мной в качестве залога деньги. Но почему-то никто не горит желанием одалживать мне крупную сумму (странно, да?). Никто, кроме самого богатого и самого невыносимого мажора – Марка Волковецкого, который бесит весь универ (и в особенности меня!) Вот только давать он мне их собирается не просто так. А на очень “интересных” условиях. В тексте есть: ♡# Самый бесячий парень универа ♡# ♡# Предприимчивая героиня без бабла, но с бизнес идеей ♡# ♡# Один спор ♡# ♡# Противостояние характеров ♡# ♡# Сумасшедшие чувства и первая любовь ♡# литмоб_спор_на_любовь ЕСЛИ ВАМ ПОНРАВИЛАСЬ КНИГА, НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОСТАВИТЬ “МНЕ НРАВИТСЯ” И ДОБАВИТЬ В БИБЛИОТЕКУ ♡#

© Королёва А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1 - Мечта под угрозой	5
Визуалы героев	7
Глава 2 - Лихорадочные поиски	8
Глава 3 - Убеди меня	11
Глава 4 - Ультиматум	14
Глава 5 - "Утешение"	16
Глава 6 - Чья игра?	19
Глава 7 - Рома ушел в "отрыв"	22
Глава 8 - Отдохни	25
Глава 9 - Варианты	27
Глава 10 - Шок!	29
Глава 11 - Характер	31
Глава 12 - Флирт	33
Глава 13 -Тёмная сторона	36
Глава 14 - Приглашение	39
Глава 15 - Игра	42
Глава 16 - Ревность	44
Глава 17 - Страх	47
Глава 18 - Проблемы	50
Глава 19 - Извинения	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1 - Мечта под угрозой

– В смысле, потратил деньги? Ты же обещал, блин! Рома! Ты знал насколько для меня это важно! Для нас! Мы собирали вместе!

Голос дрожит, но я сжимаю кулаки, чтобы не выдать слабость. Рома стоит передо мной, закинув руки в карманы дорогих брюк, и смотрит сверху вниз — будто я навязчивая попрошайка, а не девушка, с которой он встречается два года. Его ухмылка — как пощечина.

– Ой, Ась, не надо драмы, — он закатывает глаза. — У мамы сложная ситуация и я взял наши общие деньги. Да, без спроса, но я надеялся их вернуть. Увы, не получилось. Ну, ничего, отдам в следующий раз... Ты должна понять

Понять? Его мать — Антонина Васильевна — владелица сети элитных клиник. Её «сложная ситуация» — это разбитый третий Lexus за год. А моя — это вся жизнь, вложенная в проект.

– Рома, — я вдруг понимаю, что шепчу, и нарочито выпрямляюсь. — Я внесла залог. Мои сто тысяч. Если мы не подпишем договор до пятницы, их сожрут. Где остальные деньги?

Он вздыхает, будто я заставила его разгребать мои глупые проблемы.

– Ну вот видишь, — гладит меня по голове. — Опять ты поспешила. Надо было спросить меня сначала, прежде чем хрень всякую творить. Но ладно, научу тебя правильно вести дела. Жена бизнесмена должна быть умницей.

Меня всю аж передергивает.

Искренне стараясь вести себя хоть немного адекватно, я оглядываюсь по сторонам и дождавшись пока по мимо нас по университетскому коридору продефелирует очередная стайка первокурсниц, хватаю Ромку за плечо и тяну к себе изо всех сил, вынуждая наклониться ко мне.

– Не делай из меня идиотку, лады? Мы с тобой договорились, что я беру на себя четверть выкупа площади кафе, плюс абсолютно все организационные вопросы. Да и работу в целому. Ты даешь большую часть денег. Прибыль пополам. Где деньги?! Ты обещал!

– У меня изменились обстоятельства. Что непонятного? – Раздраженно чеканит он – Мы с тобой никаких письменных соглашений не подписывали, так что – прости, детка. Бизнес – жестокая вещь.

Меня будто бы хорошенечкоогревают лопатой по голове.

– Да уж, жестокая,, – бормочу я, а сама уже мысленно пытаюсь найти выход из положения.

Моя мечта. Мой бизнес-проект в виде тематического кафе как раз напротив студии, где занимаются студенты-театралы буквально проплывает мимо меня.

А я ведь просчитала всё до мелочей. Идеальное место. Основная целевая аудитория рядом. Оптовый продуктовый склад неподалеку.

Поблизости нет конкурентов.

Все идеально. Нужно только одно – деньги. Рома обещал дать. Я так рассчитывала на него. Но и возмутиться не могу. Он и правду мне по факту ничего не должен был. Все договоренности на словах.

Я верила ему как своему парню. Он ведь знал как для меня это важно. Увы, его слово как оказалось – не значило вообще ничего.

Хуже всего то, что я уже внесла за аренду залог – сто тысяч рублей. И это мои деньги. И их точно не вернут в случае расторжения предварительного договора.

А у меня всего было пятьсот тысяч, которые я накопила постоянными подработками официанткой в вечернюю.

Блин. Ну, как так?

Я так мечтала!

– Ясно. Ну, тогда, вперед. Решай свои проблемы тоже сам, – процеживаю я и делаю шаг в сторону. – И кстати, насчет “жены”

Но пальцы Ромы впиваются мне в шею — якобы нежность, но на самом деле жесткий захват. Я застываю. Он любит такие моменты — когда я замолкаю, и он может объяснить, как устроен мир.

– Ась, не начинай, — его голос резко холодеет. — Ты же знаешь, как я терпеть не могу капризы.

В этот момент дверь в коридор распахивается с такой силой, что стекла дребезжат.

Тень падает на нас — высокий, в черной кожанке, с разрубленной бровью и взглядом, от которого по спине бегут мурашки. Марк Волковецкий.

– Ромашкова, — он цедит мою фамилию, будто пробует на вкус. — Ты опять опоздала на семинар. Препода рвёт и мечет.

Его губы искривлены в усмешке, но глаза горят — как будто только меня и видят.

Рома напрягается:

– Волковецкий, не видишь — у нас вообще-то важный разговор?

Марк не удостоивает его взглядом.

– Вижу. Скучный. — Он перебрасывает ключи от своей дорогущей Audi R8 с одной руки в другую. — Ася, идёшь? Или предпочитаешь дальше слушать, как тебя учат жизни?

Рома покрывается багровыми пятнами:

– Волковецкий, а с хрена ты вообще к моей девушке лезешь?

Марк наконец поворачивается к нему — медленно, как хищник.

– Твоя девушка? — он смеётся. — Ненадолго, мамин пирожочек..

Я отшатываюсь. Марк опять не вовремя со своими подколами. От него в обмороке почти вся женская часть универа, но он развлекается тем, что доводит именно меня. Причем, с самого первого курса.

Чего пристал, блин?!

– Всё, Ром, мне правда надо, — быстро говорю я.

Марк открывает передо мной дверь — насмешливый жест кавалера.

– После тебя, будущая бизнес-леди.

Рома хватает меня за локоть:

– Ты настоящая дура, если думаешь, что он без причин...

– Воробьев. — Марк внезапно встает между нами. — Руки убери. А то сломаю.

Тишина.

Рома бросает на него раздраженный взгляд, но отпускает меня.

Марк провожает меня до аудитории — слишком близко, так что я чувствую запах его одеколона: дорогой, с нотками дыма и кожи.

– Кстати, — наклоняется он, губы почти касаются моего уха. — Я слышал, ты ищешь инвестора. Заходи после пар. Обсудим.

И уходит, оставив меня с бешено бьющимся сердцем.

Это реальный шанс, но связываться с Волковецким... даже не знаю. Боюсь, что это будет мне дороже.

Друзья, добро пожаловать в мою летнюю новинку с ароматом ванильного латте, солнца и эмоциями первой любви.

Если хотите узнать как хорошая девочка Ася борется за кафе своей мечты и противостоит дерзкому мажору Марку Волковецкому, то обязательно поставьте лайк и добавьте книгу в библиотеку!

Визуалы героев

Ася Ромашова – студентка-отличница с мечтой, инициативой, но без денег – 4 курс, 20 лет

Роман Воробьев – парень героини. Идеальный мальчик с картинки. Староста и любимец всех преподавателей. 5 курс, 21 год

Марк Волковецкий – одноклассник Аси с талантом бесить всех вокруг, плохой парень с которым хорошим девочкам обычно запрещают общаться.

Ну, что друзья? Кто из парней вызывает какие эмоции и кого бы предпочли именно вы? Хорошего мальчика Рому или плохиша Марка? Делитесь своими мыслями)

Глава 2 - Лихорадочные поиски

Солнце слепит глаза, но внутри — ледяная пустота. Я сижу на скамейке у главного входа в универ, тупо сжимая телефон. Пальцы дрожат, ногти впиваются в пластик, и от этого почему-то становится только холоднее. Студенты как всегда куда-то спешат, смеются, размахивают рюкзаками, а я будто в стеклянном аквариуме — всё слышу, но до меня не доходит ни один звук. Мимо проходит парень с гитарой, кто-то угощает подругу кофе, издали доносится разноголосый гул — жизнь, в которой нет места панике.

Кому еще позвонить?

Дядя Миша.

— Дядь Миш, привет. Помнишь, я говорила про кафе и что собираю деньги для... — начинаю я, но он сразу перебивает:

— Асенька, дорогая, я бы рад, но у самого ипотека...

— Понятно, — шепчу. — Не беда.

Вешаю трубку. Это восьмой отказ. Внутри что-то хрустит, как лёд под каблуком.

Бабушка?

— Стара я, детка, где мне столько. Сама знаешь, какая у меня пенсия...

Голос её хриплый, усталый. Слышу, как она прячет вздох в платок, чтобы не выдать слезы — мне и так тяжело.

Подруга Лера?

— Самим бы до зарплаты протянуть...

В трубке тишина, потом короткий смешок — нервный, горький.

Даже Сергей Петрович, тот у которого я работаю официанткой, вежливо меня послал.

— Рискованно, Ася. Ты же понимаешь...

Я понимаю. Понимаю, что мечта тает. Что мои сто тысяч залога исчезнут через 18 часов. Что Рома... Я резко трясую головой, гоня прочь его снисходительную ухмылку, его вечное "ну я же говорил, что не получится".

Нет, не думать о нём.

Телефон вибрирует в ладони — сообщение, звонок, всё сливается в пелену тревоги. На экране имя: Людмила Петровна, нынешняя хозяйка кафе.

— Алло? — голос звучит хрипло от бессонницы.

— Ася? Привет. — В трубке нервный выдох. — Я звоню, потому что... передумала.

Сердце замирает, будто кто-то сжал его ледяной ладонью.

— Передумали? Но мы же договорились! Я внесла залог!

— Другие покупатели, — она говорит быстро, будто стыдится. — Предложили всю сумму сразу. Но если ты принесешь деньги завтра к 12:00 — кафе твое. Со всем оборудованием и продленными лицензиями.

— Завтра?! — я вскакиваю со скамейки, голос срывается. — Людмила Петровна, это невозможно!

— Бизнес есть бизнес, детка. Решай.

Щелк. Гудки.

Я медленно откидываюсь на холодную спинку лавки. Всё кончено. Слезы подступают комком к горлу, но я упрямо глотаю их. Сто тысяч — прахом. Три года постоянной экономии и подработки — насмарку. Мечта...

В голове звучит эхом: "не выйдет, не получится, не для тебя".

И тут всплывают в памяти слова, брошенные насмешливым баритоном:

— Заходи после пар. Обсудим.

Марк Волковецкий.

Блин... как же не хочется. Я точно об этом пожалею. Но другого выхода нет...

Аудитория 307. Дверь приоткрыта. Изнутри доносится низкий смех и запах дорогого одеколона, густой, пряный, он сразу забивает собой всё вокруг. Сердце грохочет, как будто я не на встречу иду, а на экзамен по жизни.

Он здесь.

Я глубоко вдыхаю, пытаюсь унять дрожь в коленях, толкаю дверь.

Марк сидит на столе преподавателя, закинув длинные ноги на спинку стула. Его дерзкая, харизматичная внешность всегда выделялась: смоляные волосы, немного растрепанные, как будто он только что провел по ним рукой, острый профиль, загорелая кожа, и эти карие глаза — насмешливые, цепкие, слишком внимательные. Челюсть — четкая, чуть скошенная из-за ленивой полуулыбки. Черная футболка обтягивает плечи, джинсы сидят идеально, с шиком, недоступным обычным студентам. На костистом запястье блестит массивный браслет дорожных часов. Он словно сошёл с какой-то рекламы: всё при нём, всё слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Марк слушает какие-то очередные кокетливые глупости нашей Семеновой — официальной мисс универ. Она стоит к нему слишком близко, поигрывая прядью волос, в глазах — надежда.

— Ну ты понимаешь, Марк, я вообще... — томно говорит она, поигрывая прядью волос. На щеках — нарочитый румянец, на губах — улыбка, слишком сладкая, чтобы быть искренней.

— Кать, ты потрясающая, но у меня сейчас важная встреча, — перебивает он, не отрывая взгляда от своего телефона. Он как будто всегда наполовину где-то ещё, и это бесит всех, кто пытается его заинтересовать.

Но когда я вхожу, его взгляд — тяжелый, оценивающий — медленно скользит по моим джинсам, куртке, задерживаясь на лице. Губы чуть дергаются в ухмылке. В глазах мелькает искра узнавания, но и что-то ещё — вызов, интерес, азарт.

— Оу, привет, ромашечка. Я уж было подумал, что ты забыла обо мне, — голос низкий, слегка хриплый, с той самой бархатистой насмешкой, от которой у кого-то по спине могли бы пробежать мурашки.

Я закатываю глаза, но внутри всё жжёт тревога:

— Долго ждёшь? Извини, было чем заняться.

Он снимает ноги со стола, встает и, небрежно махнув рукой, обрывает разговор с Семеновой:

— Потом, Катюш, лады?

Катя закатывает глаза и уходит, хлопая дверью. Гул её каблучков ещё долго отдаётся эхом в коридоре.

Марк, по-хозяйски, кладёт мне руку на талию и мягко, но уверенно подводит меня ближе — так, что между нами почти не остаётся воздуха.

— С удовольствием бы забыла о тебе, — фыркаю я, — но увы... и, кстати, руку убери, — я шлепаю ладонью по его предплечью.

— Какая ты дерзкая для той, которой нужна помощь, — недобро усмехается он, но всё же руку убирает. В его движениях — ленивое равнодушие, и что-то опасное, что заставляет всех вокруг держаться настороже.

Я останавливаюсь, заставляя голос звучать твердо, хотя внутри всё сжимается:

— Мне реально нужна помощь. Но в пределах разумного. Без твоих... извращений.

Марк склоняет голову, пристально глядя мне в глаза, словно изучая не только слова, но и мысли за ними:

— А ты знаешь, что это за извращения, Ася? Может, попробуешь — вдруг понравится? — в его голосе игра, но глаза вдруг становятся серьезнее.

— Марк, не начинай. — Я скрещиваю руки на груди, чтобы скрыть дрожь. — Говори прямо. Какие у тебя условия?

Глава 3 - Убеди меня

Но Волковецкий остается самим собой. Вместо нормального ответа, он сначала намеренно медленно, явно чтобы побесить опускает подбородок. Затем прищуривается, вглядываясь мне в глаза, а после спрашивает:

– А как сама думаешь? Что ты вообще мне можешь предложить?

Я громко и раздраженно выпускаю воздух через рот.

– Ну, так и знала, что ничего адекватного от тебя не услышу. Позвал меня чисто поржать или что? Правда считаешь, что я тебе сейчас с ходу буду предлагать секс?

Марк изгибает бровь.

– Сколько тебе не хватает, Ромашка?

– Меня зовут Ася, напоминаю снова, – я с вызовом складываю руки на груди. – Полтора ляма.

– Полтора ляма, – расслабленно повторяет Волковецкий. – Хм, интересно.

– И что же тебя так заинтересовало? – Раздражаюсь я всё больше.

– Ну, например, что такого крутого ты умеешь вытворять в постели раз оцениваешь секс с собой в полтора ляма. – Марк смотрит на то как я вся вспыхиваю и с усмешкой добавляет. – А что? Это ведь ты заговорила про секс. Я и слова про него не сказал. Или это тайные желания, м, Ромашка? Так ты только скажи, – он медленно склоняется ко мне. – Я это сделаю совершенно бесплатно. В качестве благотворительности, так сказать. – Он нагло ухмыляется и без всякого стеснения шарит блудливым взглядом по моей фигуре.

– Да пошел ты, Волоковецкий.

Я показываю ему средний палец и резко разворачиваюсь, чтобы уйти, но он меня неожиданно хватает за предплечье и разворачивает обратно. Так, что наши лица оказываются настолько близко, что я могу без труда разглядеть свое отражение в его расширенных зрачках.

– Мы еще не договорили, – спокойно, но с едва заметной ноткой угрозы произносит он. – И я спрашивал совершенно серьезно. Секс – это хорошо. Но его я и так получу, в качестве бонуса.

У меня вырывается презрительно-насмешливое

– Ну, да. Мечтать не вредно, Волковецкий.

Но он не реагирует и продолжает:

– Раз ты лезешь в бизнес, значит и действуй нормально, по взрослому. Я твой потенциальный инвестор. Так давай, убеди меня. Почему я должен давать тебе эти деньги?

Я немного теряюсь от осознания того, что Волковецкий прав. А он видимо прочитав это по моему выражению, медленно кивает:

– Да, Ромашка. Только так это происходит. Понятное дело, я свой личный бизнес не открывал и пока не собираюсь. Я работаю в нефтяной компании отца. Но если ты считаешь, что из-за этого мне легче, то ты сильно ошибаешься. Я должен доказать, что достоин и могу с мозгами распоряжаться деньгами и управлять компанией. Тем более, у меня есть два двоюродных брата, которые только и ждут, когда я облажаюсь. А если я дам деньги только потому что попросила смазливая блондиночка, то уж поверь, ничего влиятельного мне не будет светить.

– Т...так, ладно. Я поняла.

Я сглатываю воздух, пытаюсь собраться с мыслями и как можно более четко перечислить преимущества моего будущего кафе.

— Хорошо, — выдыхаю я, заставляя голос звучать твердо. — Во-первых, место. Кафе напротив театральной студии — это гарантированный поток клиентов. Студенты, преподаватели, зрители после спектаклей. Во-вторых, у меня уже есть договоренность с оптовым поставщиком кофе и выпечки — цены ниже рыночных на 15%.

Марк медленно кивает, но его взгляд все такой же оценивающий.

— Продолжай.

— В-третьих, — я выпрямляюсь, — у меня уже есть команда. Два бариста и кондитер, которые согласились работать за процент от прибыли первые три месяца. Плюс я сама в качестве официантки и администратора. И... — я запинаюсь, но тут же беру себя в руки, — у меня есть план продвижения. Фуд-блогеры, тематические вечера, сотрудничество с театром.

Марк отпускает мою руку, откидывается на спинку дивана. Его пальцы барабанят по стеклу стола.

— Неплохо, — наконец говорит он. — Но недостаточно.

— Что? — я моргаю.

— Ты говоришь о стандартных вещах, Ромашка. Любой дурак может снять помещение и нанять бариста. — Он наклоняется вперед, его голос становится тише, но от этого только опаснее. — Почему я должен вкладываться именно в тебя?

Я сжимаю зубы.

— Потому что я знаю это место лучше всех. Я три года снимала квартиру рядом. Приглядывалась, анализировала. Я видела, что заказывают, когда приходят, чего им не хватает. И мое кафе будет другим.

— Каким? — он прищуривается.

— Уютным. А еще, оно будет тематическим. Каждую неделю у нас будет другой стиль подачи и униформа. Оно точно запомнится. Тем более, там рядом все время тусят театралы, а еще анимешники и косплееры. Поверь, они точно это оценят...

Я замолкаю, потому что Марк вдруг улыбается. Не той наглой усмешкой, а чем-то... искренним.

— Ладно, — он медленно выпрямляется. — Ты меня убедила.

— Серьезно? — я не верю своим ушам.

— Не радуйся раньше времени. Условия жесткие. — Он достает телефон, быстро набирает сообщение. — Завтра в десять утра мой юрист подготовит договор. Ты получишь свои полтора миллиона, но...

— Но? — я настораживаюсь.

— Но первые три месяца я контролирую все расходы. Каждая копейка — через меня. И если ты потратишь хоть рубль не по назначению — штраф, — Марк усмехается. — А какой — определяю сам. И более того, это кафе оформляется на равных правах, но последнее слово — за мной. И если, через полгода ты не выходишь в плюс, то кафе переходит в мое полное владение. А ты работаешь на меня, пока не погасишь долг в полтора ляма, иначе...

— Я не собираюсь тебя обманывать! — перебиваю я. — И у меня точно получится.

— Ну-ну, твой оптимизм ничем не подкреплён. — он ухмыляется. — Можем даже пари заключить. Я-то в любом случае в выигрыше.

Я закатываю глаза.

— Ты закончил выделяться?

— Нет, — он внезапно выпрямляется, заставляя меня отпрянуть. — Последнее условие.

Его рука касается моей талии, притягивая ближе. Я замираю, чувствуя, как его дыхание смешивается с моим.

— Когда ты все же облажаешься, — шепчет он, — то так и быть. Можешь отработать и сексом. Но столько, сколько я скажу. Одного раза мне будет мало.

Я резко отталкиваю его.

— В твоих фантазиях, Волковецкий.

Он смеется и снова садится за стол препода.

— Завтра в десять, Ромашка. Не опаздывай.

Я перехватываю ремень от сумки и разворачиваюсь к выходу.

— И, Ася? — его голос останавливает меня у двери.

— Что? — оборачиваюсь я.

— Придешь одна. Без своего ублюдка.

— Да пошел ты, — фыркаю я

Марк со смехом подмигивает:

— Пошел ты, директор и мой господин.

Я снова показываю ему средний палец, после чего хлопаю дверью так, что стекла дрожат.

Но внутри — странное чувство. Не злость. Не страх.

А предвкушение.

Завтра я сделаю первый шаг к своей мечте.

Но едва я выхожу из универа, как мне у входа сигналит из машины Рома.

— Эй, Ась, иди сюда. Отвезу тебя. Да и поговорить хочется.

Глава 4 - Ультиматум

Я замедляюсь, не сразу соображая, откуда меня зовёт Рома. Шум улицы, звонки трамваев и гул машин смешиваются в голове, пока я озираюсь по сторонам. В этот момент взгляд цепляется за знакомую фигуру — но не в привычном стареньком форде, а в ярко-синей «бэхе», сверкающей на солнце свежей полировкой. Салон машины кажется чужим, новеньким — и в этом есть что-то странное. Хм, очень интересно...

Я невольно замираю. Сердце предательски стучит где-то в животе. В голове мелькает мысль: идти к нему или нет? Но в конце концов что-то внутри толкает меня вперёд, и я, чувствуя, как в груди вспыхивает несмелая надежда, всё же решаюсь. А вдруг он всё же нашёл деньги? Вдруг не придётся связываться с Волковецким и просить у него помощи?

Я сажусь на переднее сиденье, и дверь «бэхи» с глухим хлопком захлопывается за мной, словно отрезая меня от остального мира. Салон наполнен лёгким запахом новой кожи и чего-то дорогого, чужого. Я поднимаю глаза и тут же утыкаюсь в Ромину улыбку — ту самую, фирменную, обаятельную, от которой у меня когда-то застревал голос в горле. Но сейчас в ней сквозит что-то жёсткое, напряжённое, будто за маской скрывается раздражение.

— Ну что, Ась, — он привычно заводит двигатель, словно мы просто едем кататься, — не переживай так. Это же просто кафе.

«Просто кафе». Как будто я не копила на него три года, не рисовала в тетрадке эскизы, не отдавала последние деньги в залог. Как будто всё это не важно.

— Ром, — голос дрожит, и я сжимаю пальцы на коленях так, что белеют костяшки, — ты... нашёл деньги?

Он делает вид, что не слышит, отворачивается к магнитоле и включает музыку — слишком громко, чтобы я могла что-то сказать.

— Слушай, я же извинился за ту историю с тачкой, — бросает он небрежно. — Ну подумаешь, немного не рассчитал. Зато теперь у меня классная машина, можем кататься!

— С какой тачкой? Ты же говорил, что деньги нужны для мамы. — Я резко поворачиваюсь к нему, чувствуя, как нарастающее раздражение превращается в злость.

Рома смущённо трет шею, избегая моего взгляда:

— Ну, да. Просто знал, что ты психовать будешь, если скажу сразу. Я давно за такой «бэхой» охотился, тут подвернулся идеальный вариант. Правда, дороже, чем планировал, и я немного не рассчитал.

— Немного не подрасчитал?! — я смотрю на него, не веря своим ушам. — Это были наши деньги, Рома!

Он вздыхает, будто ему надоело слушать мои «скучные» разговоры, и небрежно пожимает плечами, отворачиваясь к окну:

— Ладно, ладно, не кипятись. Всё равно у тебя бы ничего не вышло. Кафе — это сложно, ты же не бизнесвумен.

Меня будто обливают ледяной водой. Я вжимаюсь в кресло, чувствую, как глаза предательски щиплет.

— Ты серьёзно так думаешь?

Рома снисходительно улыбается, бросая на меня взгляд поверх руля:

— Ну... Я же тебя знаю. Ты мечтательница, Ась. А бизнес — это не про мечты.

Я молчу, уставившись в окно. За стеклом машины город живёт своей обычной жизнью, но внутри меня что-то ломается. В горле поднимается тяжелый ком.

Рома, словно не замечая моего состояния, вдруг оживает:

— Эй, давай не грусти! — он похлопывает меня по колену. — Я тебя отвезу в тот новый ресторан у набережной. Там такие стейки...

Я отворачиваюсь, демонстративно смотрю в окно. Говорить с ним сейчас просто нет никакого желания.

Рома паркует машину у модного ресторана с панорамными окнами, через которые видно реку и огоньки вечернего города. — Ну же, Ась, хватит дуться! — он тянет меня за руку, будто ничего не произошло. Его пальцы слишком крепко сжимают моё запястье, и мне становится не по себе.

Мы садимся у окна. Официант приносит меню, но Рома сразу заказывает за нас обоих — стейк средней прожарки и красное вино.

— Ты же любишь medium rare, да? — он даже не смотрит на меня. Я сжимаю зубами соломинку в коктейле — он прекрасно знает, что я предпочитаю сильную прожарку. Но сейчас это кажется уже совсем неважным.

— Слушай, насчёт этих денег... — Рома вдруг берёт мою руку поверх стола. Его большой палец медленно водит по моим костяшкам, когда-то этот жест казался мне нежным, сейчас же вызывает только холод по коже. — Я потом всё возьму. Отец обещал повышение через месяц.

Я отвожу взгляд на набережную. Там парочки кормят уток, дети смеются, мир кажется нормальным, простым — в нём не крадут друг у друга последние надежды.

— Знаешь, что самое смешное? — Рома наливает вино, бокал передо мной наполняется до краёв. Я поднимаю взгляд и вдруг замечаю на воротнике его рубашки едва заметный след помады. Не моей. Персиковый оттенок, который обожает Лера — секретарша его отца.

Так, я что-то не поняла... Или может мне показалось?

Рома продолжает, не замечая моего взгляда:

— Ты всё равно не потянула бы своё кафе. Ты же даже бюджет на нашу поездку в Сочи не смогла рассчитать и мои траты не предусмотрела. — Он смеётся, будто только что сказал что-то забавное. — А тут свой бизнес...

— Мне обещал дать денег Марк Волковецкий, — резко перебиваю я.

Рома давится воздухом, едва не роняет бутылку:

— Что?!

— Полтора миллиона. На кафе.

Он с оглушительным звоном ставит бутылку на стол, весь зал оборачивается. Его всегда идеальное лицо резко искажается злостью:

— Ты общаешься с этим ублюдком?!

— Это бизнес, — холодно отвечаю я, повторяя его собственные слова.

— Бизнес? — он хватается меня за руку. — Это пиздец, Ася! Ты вообще понимаешь, с кем связалась?

Я вырываюсь, чувствуя, как по коже бегут мурашки.

— А с кем мне надо было связываться, Рома? С тобой, который спустил мои деньги на тачку?

— Я тебе запрещаю брать у него хоть рубль! — его голос становится опасным. — Или...

— Или что? — я прищуриваюсь.

— Или между нами всё кончено.

Глава 5 - "Утешение"

Я деланно равнодушно пожимаю плечами, хотя внутри всё холодеет.

– Ну, как скажешь. Кончено так кончено. В любом случае Марка сказал, чтобы завтра я... Хрясь!

Стекло бокала трескается под пальцами Ромы. Осколки падают на белую скатерть, оставляя кровавые пятна.

– Ты... ты даже не думай! – Он хватается меня за предплечье, и боль пронзает до кости. – Я запрещаю тебе общаться с этой мразью!

В ресторане всё затихает. Официант делает шаг в нашу сторону, но Рома оскаливается в его сторону, и тот замирает.

– Ты поняла меня, Ася?

Я же продолжаю уже сознательно его бесить.

– Нет. Не поняла. Очень много чего не поняла. Например, того почему мне что-то запрещает тот с кем я даже не в отношениях.

– Ася, ты зря со мной играешь.

Голос Ромы внезапно становится сладким, как испорченный мёд. Он тянется ко мне, будто для поцелуя, но губы лишь касаются уха:

– Или я солью всем те самые видео, а еще расскажу всем, как ты в прошлом году...

Я встаю так резко, что стул падает с грохотом. В ушах стучит кровь.

– Заканчиваем. Навсегда!

Рома вскакивает следом. Его лицо искажает гримаса — я впервые вижу его таким.

– Выбираешь Волковецкого?! — он шипит, хватая меня за сумку. Ремень рвётся, и содержимое рассыпается по полу. Среди прочего выпадает блокнот с логотипом нефтяной компании отца Марка.

Такие нам раздавали на первое сентября, потому что эта компания является одним из главных меценатов нашего универа.

Рома поднимает его, и я вижу, как его зрачки расширяются.

– Снова он! Везде он! Ты спишь с ним давно, да, Ася?!

Он грубо хватается меня за предплечье, но я вырываюсь:

– Приди в себя. Кажется, что про Волковецкого ты думаешь больше, чем про меня и про себя.

Но Рома будто не слышит.

Он разрывает мой блокнот пополам и швыряет на пол, плюнув сверху:

– Никогда. Слышишь? Это кафе откроется только через мой труп!

– Да пошел ты!

Я сгребаю все выпавшие из сумки вещи в охапку и выхожу из ресторана

Последнее, что я вижу перед уходом — как осколки стекла впиваются в его ладонь, когда он бьёт по столу.

Я знала, что Рома и Марк терпеть друг друга не могут, но что это достигает таких масштабов и предположить не могла

Рома будто двинулся. Что это с ним?

Как раз тогда, когда я выхожу из ресторана на улице начинает накрапывать дождь.

Еще одна галочка в графе моего “везения”.

Я достаю телефон — одно новое сообщение от Марка: "Завтра в 10. Не вздумай передумать, Ромашка."

Я бы с удовольствием передумала, связываться с Волковецким мне страшно. Но выхода нет. Теперь, так уж точно.

***

Дверь съёмной квартиры захлопывается за мной с глухим стуком. Я прислоняюсь к прихожей, закрываю глаза, пытаюсь унять дрожь в пальцах. В воздухе витает аромат ванили — Наташа, моя соседка и лучшая подруга, как всегда, зажигает ароматические свечи.

— Ась? Ты это? — доносится её голос из гостиной.

Я не успеваю ответить, как Наташа уже стоит передо мной. Её глаза округляются при виде моего вида: растрёпанные волосы, разорванный ремешок сумки, дрожащие губы.

— Божечки, что случилось? Ты выглядишь, как после бомбардировки!

Я сбрасываю промокшие кеды и в нескольких коротких фразах выпаливаю про попадос с деньгами, разрыв с Ромой, его истерику и угрозы. Наташа слушает, постепенно сжимает кулаки, а потом решительно хлопает себя по коленям.

— Так, это лечится! Быстро в душ, а я подготовлю тебе экстренную терапию!

Пока я отмываю с себя следы этого кошмарного дня, Наташа, как фея-крёстная, готовит для меня своё самое убийственное чёрное платье — облегающее, с коварным разрезом, от которого даже у меня перехватывает дыхание.

— Сегодня мы идём в “Метро”! — объявляет она, накрашивая мне губы в алый цвет. — Никаких мыслей о бывших, мажорах и прочей ерунде!

***

Спустя несколько часов, клуб “Метро” гудит, как раскалённый улей. Неоновые лазеры режут дым, бит пульсирует в висках, а наши с Наташей коктейли — ярко-розовые, с карамельными завитками — уже наполовину пусты.

— Ещё по одной? — Наташа стучит ногтями по барной стойке, подмигивая. Её карие глаза блестят от “Маргариты”.

Я киваю, чувствуя, как алкоголь разливается тёплой волной по жилам. Где-то там, за стенами клуба, остались Рома, его истерика, разорванный блокнот... Сейчас только музыка, смех и Наташина рука, сжимающая мою.

Внезапно свет прожекторов бьёт в центр танцпола.

— Дамы и господа! — гремит голос ведущего. — Кто готов на испытание от “Метро”? Приз — бутылка Dom Pérignon!

— О, Боже, — Наташа хватается за запястье. — Это наш шанс! Точнее – твой!

— Что? Нет! — Я отшатываюсь, но она уже толкает меня вперёд, крича:

— У нас есть доброволец! Она готова!

— Наташа, блин! Я тебя убью! — Шиплю я, глядя как толпа расступается.

Я, спотыкаясь на каблуках, оказываюсь на подиуме рядом с ведущим. Он ухмыляется, оценивая моё растерянное лицо и слишком короткое платье.

— Отлично! Правила простые: повторяешь движения нашей звезды — получаешь шампанское!

Из-за кулис выходит стриптизёрша в кожаном корсете. Её бедра плавно покачиваются под ритм, а руки скользят по пилону с профессиональной грацией.

Ой, блиииин! Интересно, а есть вариант провалиться куда-то поглубже?

— Я не могу... — шепчу я, но толпа уже скандирует: «Да-да-да!»

Выпитые коктейли дают о себе знать. Сердце колотится, но я делаю шаг вперёд.

Первый элемент — обхват пилона. Я копирую, чувствуя, как металл холодит ладони.

Второй — медленный прогиб. Шёлк платья задирается, обнажая бедро. За спиной слышен свист.

— Так, Ась! — орёт Наташа. — Ты огонь!

Третий элемент — вращение. Я закрываю глаза, отпускаю страх и кружусь, волосы развеваются, каблуки теряют опору...

Когда открываю глаза — зал аплодирует. Даже стриптизёрша одобрительно кивает. Я, запыхавшаяся, соскакиваю с подиума, хватаю Наташу за руку:

— Я тебя убью! Теперь ты...

И тут вижу его.

Дорогие друзья,

в эмоциональную и азартную новинку

Лиш Роач

“СПОР НА СВОДНУЮ”

<https://litnet.com/shrt/9Pgl>

Я не просила новую семью.

И точно не просила, чтобы мой новый "брат" с первого взгляда решил, что я - проблема.
И игрушка.

Он втянул меня в свою дурацкую игру, даже не подозревая, кто я.

А когда узнал... было поздно.

Слишком поздно.

Для него...

Я не хотел ввязываться в эту игру снова.

Но потом появилась она. Слишком дерзкая, слишком бесячая.

Я передумал и сделал ее мишенью. А затем узнал, что она — моя сводная сестра.

Но уже поздно все отменять. Да я и не хочу.

Глава 6 - Чья игра?

Марк Волковецкий стоит у VIP-лестницы, опёршись о перила. В полумраке свет прожектора выхватывает его скулы, губы, сжатые в усмешке. Его взгляд — горячий, хищный — медленно скользит по моим ногам, задирающемуся платью, растрёпанным волосам.

Он не аплодирует. Не ухмыляется. Просто смотрит, как будто я только что подписала ему договор кровью.

— Наташ, — я цепляюсь за её плечо. — Это Волковецкий...

Но Марк уже идёт к нам, рассекая толпу.

— Ромашка... На сцене ты выглядишь ещё смелее, чем в моих фантазиях.

Его дыхание обжигает. Я пытаюсь вырваться, но он притягивает меня ближе, так что наши тела почти соприкасаются.

— Но тем не менее с фантазиями тоже есть кое-что общее, — фыркаю я.

Марк ухмыляется.

— Хм, очень интересно. И что же это?

— Ты можешь только наблюдать, — я резко вырываю руку.

Точнее, пытаюсь.

Марк не отпускает мое запястье, его пальцы впиваются в кожу с такой силой, что завтра останутся синяки. Я снова резко дёргаю рукой, но он только крепче сжимает хватку.

— Пусти, — шиплю я, чувствуя, как гнев поднимается горячей волной. — Я теперь вообще-то звезда клуба. Хочешь, чтобы тебя выгнали из клуба за домогательства?

Его губы растягиваются в ухмылке, но в глазах — опасный блеск.

— Домогательства? — он наклоняется так близко, что его дыхание обжигает губы. — Ты сама пять минут назад вилась вокруг пилона, как шёлковая змейка. Или уже забыла? Уверен, что ты просто искала спонсора.

Я резко поднимаю свободную руку, чтобы дать пощёчину, но он ловит её в воздухе, прижимая обе мои ладони к своей груди. Через тонкую ткань рубашки чувствуется ровный стук его сердца — чёрт возьми, оно бьётся так же быстро, как моё.

— Ну давай, Ромашка, — его голос становится низким, хриплым. — Покажи, на что способна. Я обожаю, когда ты злишься.

От этих слов по спине пробегает противная дрожь. И самое мерзкое — часть меня... реагирует. Та самая часть, что заметила, как его мышцы напряглись под моими пальцами.

— Какой же ты мерзкий и отвратный гад, — выдыхаю я, но звучит это неубедительно даже для моих ушей.

— Зато честный, — он внезапно ослабляет хватку, позволяя вырваться. — В отличие от тебя. Ты действительно ненавидишь меня? Или просто боишься, что однажды перестанешь?

Я отшатываюсь, будто он ударил меня. Его слова попадают прямо в цель, и он это видит — его глаза загораются триумфом.

— Знаешь, что я понял сегодня? — Марк делает шаг вперёд, заставляя меня отступить к стене. — Ты специально выставляешь напоказ эту свою... дерзкую натуру. Но когда дело доходит до настоящей близости — трусишь.

— Я не трушу! — взрываюсь я, чувствуя, как жар разливается по щекам.

— Тогда докажи, — он резко прижимает меня к стене, его бёдра впиваются в мои. Я чувствую каждую линию его тела — и его возбуждение, которое он даже не пытается скрыть. — Поцелуй меня. Прямо сейчас. Если осмелишься.

Наши губы в сантиметре друг от друга. Его дыхание пахнет дорогим виски и мятой. Всё во мне кричит, чтобы я плюнула ему в лицо. Но другая часть... другая часть хочет проверить, действительно ли его поцелуи такие же жёсткие, как его характер.

— Боишься? — он дразнит, проводя кончиком носа по моей щеке. Этот лёгкий, едва уловимый контакт вызывает мурашки.

Я резко хватаю его за воротник и притягиваю к себе. Наши губы почти соприкасаются, когда я вдруг останавливаюсь.

— Вот видишь? — шепчу я. — Ты так отчаянно хочешь меня, что готов унижаться. А я... — я отталкиваю его, наслаждаясь вспышкой ярости в его глазах, — я просто играю.

Его лицо искажает гримаса — смесь злости и невероятного, бешеного желания. Он хочет меня. Хочет настолько, что это почти физически больно видеть. И самое ужасное — мне кажется, что я чувствую то же самое.

Нет-нет-нет! Это точно коктейли во мне говорят!

— Ты ошиблась, — он хватается меня за подбородок. — Это я играю. А ты... ты просто не понимаешь правил.

Его губы наконец захватывают мои в жёстком, требовательном поцелуе. Я кусаю его за нижнюю губу, чувствуя вкус крови. Он рычит и прижимает меня сильнее, его руки скользят под платьем...

И в этот момент я с размаху бью его коленом по яйцам.

Волковецкий выпускает меня, едва слышно выругавшись сквозь зубы, а я стою, тяжело дыша, с бешено колотящимся сердцем. Музыка в клубе будто стихает для нас двоих — весь зал исчезает, остаётся только Марк, опирающийся рукой о стену, и я, с дрожью в руках и торжеством во взгляде.

— Учти, Марк, — я улыбаюсь, с трудом сдерживая дрожь в коленях, — я не из тех, кого можно прижать к стене и сломать одним поцелуем. Ты ошибся дверью.

Он медленно выпрямляется, тяжело дыша. Его глаза сверкают — не столько от злости, сколько от неистового возбуждения. Капля крови по-прежнему блестит на его губе, и он облизывает её, не сводя с меня взгляда.

— Ты становишься только интереснее, Ромашка, — с трудом выговаривает он, голос хриплый, как после марафона. — Я знал, что у тебя есть зубы. Но не думал, что ты умеешь так кусаться.

Я делаю шаг назад — мне нужно пространство, кислород, чтобы не утонуть в этом его взгляде. Но он не даёт мне уйти, приближается, несмотря на боль, как хищник, которому только что попала под когти дикая добыча.

— Ты правда думаешь, что способна играть в эти игры лучше меня? — его голос низкий, обволакивающий, и я ненавижу, что внутри отзывается дрожью. — Или просто боишься, что однажды проиграешь?

— Ты переоцениваешь себя, — бросаю я, вскидывая подбородок. — Думаешь, если ты Волковецкий, то все должны падать к твоим ногам?

Он усмехается, медленно вытирает кровь с губы большим пальцем, а потом подносит его к моим губам, будто дразня.

— Мне не нужно, чтобы ты падала. Мне достаточно, чтобы ты смотрела на меня вот так, — его взгляд скользит по моему лицу, — с вызовом. Это чертовски заводит. А потом, я уложу тебя сам.

Я сжимаю кулаки, чтобы не сорваться и не попытаться его убить у всех на глазах.

— Нет, Ася, ты же не из тех, кто сдаётся первой.

Я делаю шаг в сторону, но Марк снова преграждает мне путь.

— Почему ты вообще пришёл сегодня? — выпаливаю, не выдерживая напряжения.

— Может, я почувствовал, что ты здесь и это зов любви, — он издевательски кладет ладонь на грудь, а у меня вырывается смешок.

— Любви? Волковецкий, зачем ты повторяешь слова, значения, которых не в силах осознать?

Я смотрю ему в глаза — тёмные, полные безумия и страсти. Он не скрывает своего желания, не скрывает, что ему больно, что он взбешён и... восхищён.

— А вообще, придётся привыкнуть к отказам, Волковецкий, — усмехаюсь я, делая последний шаг прочь. — Раз уж нам придётся работать вместе.

Он хватает меня за запястье, но уже осторожно, не причиняя боли, а просто фиксируя — будто боится, что я исчезну.

— До завтра, Ромашка, — его голос едва слышен, но в нём столько обещаний и угроз, что у меня по коже бегут мурашки. — Завтра будет еще веселее.

Глава 7 - Рома ушел в "отрыв"

Ночь перед подписанием – не сон. Это камера пыток, сооруженная из собственных мыслей. Я ворочаюсь на узкой кровати в съемной коробке, слушая, как тиканье часов сливается с бешеным стуком сердца. Темнота не укрывает, а давит, как тяжелое одеяло. За закрытыми веками – калейдоскоп кошмаров:

То передо мной мелькают холодные, как лезвие, глаза Марка и его бархатистый низкий голос:

“Завтра в десять, Ромашка, то лицо Ромы искаженное лицо до неузнаваемости звериной яростью: “Через мой труп!”

И оба они приближаются, зажимают меня, хотят...хотят...

Я резко просыпаюсь и встаю, наливаю стакан воды.

Рука дрожит так, что вода расплескивается на стол. Распечатанный договор Марка, который он сбросил мне по почте лежит там же – толстая пачка бумаги, похожая на обвинительный акт.

Я в который раз пытаюсь вчитаться в юридические дебри, но буквы плывут, сливаясь в угрожающие фразы: "полный контроль...", "передача в собственность...", "работа на инвестора..."

Слова Марка звучат в голове с ледяной отчетливостью: "А ты работаешь на меня..."* Что скрывается за этим? Конторская кабала? Или исполнение его больных фантазий? Я швыряю бумаги на стол. Они падают с шелестом, похожим на змеиное шипение. Бежать? Но куда? Мечта стоит слишком дорого.

***

Утро приходит серым и тяжелым, как похмелье. Голова – чугунный шар. Я натягиваю черные джинсы, простую белую блузку – доспехи обыденности против вчерашнего безумия. Никаких намеков на "звезду клуба", лишь щит нейтральности. Наташа за завтраком пытается шутить, но видит мои тени под глазами, мои дрожащие пальцы, и замолкает. Ее рука сжимает мою перед уходом – крепко, тепло.

– Да ладно, Ась. Все будет хорошо. Если хочешь, я пойду с тобой к Марку.

– Хороший способ сбежать с пар, но нет, – посмеиваюсь я и обняв Наташу, наконец выдвигаюсь в универ.

Первая пара – экономика. Лектор бубнит что-то о макроэкономических показателях. Я сижу у окна, смотрю на серое небо, затянутое свинцовыми тучами. Слова лектора не долетают. В ушах – навязчивый стук: "Подпись. Деньги. Кафе. Марк. Рома. Контроль. Провал. Долг. Рабство..."

Внутри – клубок ледяного страха и... предательская искра возбуждения от вчерашней схватки. Я ловлю себя на том, что подушечкой пальца касаюсь губ.

"Он рычал, когда я кусала...будто какая-то зверюга. Волк."

Сердце сжимается, учащенно бьется.

Я машинально записываю в тетрадь: "17 октября". Дата подписания договора.

Ну, есть цифра "семь".

Говорят, что это к удаче.

Буду надеяться, что так и есть.

После пары, выходя из корпуса в промозглую сырость, я вижу его.

Марк.

Сейчас, гн – черная точка напряжения на фоне унылого пейзажа. Прислонился к грозному черному "Мерседесу" G-Class, нагло занявшему газон.

Сколько же у него тачек?! Даже страшно.

Темные джинсы, черная водолазка, кожаная куртка – он выглядит как воплощение дорогой, опасной силы. Студенты обтекают машину широкой дугой, бросая искоса любопытные и пугливые взгляды. Его глаза – радары – мгновенно ловят меня. Взгляд – все тот же, хищный, сканирующий, но сегодня в нем читается холодное, безжалостное удовлетворение. Добыча пришла сама.

Я подхожу, заставляя ноги идти ровно, спину – не сгибаться.

— Сегодня твой цвет настроения – чёрный? — бросаю я, останавливаясь в шаге. — Или ты подбираешь машины под цвет обуви?

— Может, я хочу показать насколько богат и инвестор из меня очень даже неплох.

— Ну, знаешь, на без рыбье и Марк Волковецкий подойдет, - напряженно посмеиваюсь я.

— Спасибо, рад, что её светлость, Ромашова, позволяет дать ей деньги. Это такая честь для меня, – Волковецкий кладет ладонь себе на грудь, а его губы с чуть заметной припухлостью от моего растягиваются в едва заметной усмешке. Он открывает пассажирскую дверь. — Ладно, садись, Ромашка. Нас ждут. Подпишем и поедем смотреть объект.

Запах дорогой кожи салона, терпкого кофе и его парфюма – древесного, пряного, *мужского* – обволакивает, как паутина. Я пристегиваюсь, чувствуя, как стальные ремни сковывают не только тело. Марк заводит двигатель. Глухой рык мотора отзывается вибрацией в костях.

— Офис на Ленинском, — он включает передачу, взгляд скользит по моему профилю. — Прочла пункты?

— Пробежалась глазами, — отвожу взгляд в окно. — Особенно тронул пункт о добровольном закабалении. Трогательная забота инвестора.

— Реализм, — он плавно трогается. — Не более. Ты ведь не собираешься провалиться?

Его тон ровный, деловой. Но напряжение в салоне висит плотное, осязаемое. Его присутствие – магнит, одновременно отталкивающий и притягивающий. Каждый нерв натянут, ожидая удара, насмешки, неожиданного поворота.

Мы не успеваем отъехать и ста метров, как из-за угла, словно демон из преисподней, вылетает Рома.

Его лицо – багровая маска ярости. Глаза мутные, дикие. Он бросается к машине, размахивая руками, как абсолютный маньяк.

— СТОЙ! А-А-СЯ! — его вопль, искаженный яростью и, вероятно, алкоголем, пробивается сквозь стекло. — ВЫЛЕЗАЙ! СЕЙЧАС ЖЕ!

Какого чёрта?! Он пьяный что ли?! Так только утро!

Марк резко бьет по тормозам. Его лицо становится каменной маской, но в глазах мелькает холодная молния.

— Сиди. Не двигайся, — его голос – сталь, опущенная в лед.

Но Рома уже у моей двери. Он колотит кулаком по стеклу с такой силой, что оно дрожит. Его лицо, прижатое к холодному стеклу, искажено гримасой безумия.

— ТЫ СОВСЕМ ТУПАЯ?! С ЭТИМ УРОДОМ?! — Слюна брызжет, оставляя жирные пятна. — Я ТЕБЯ НЕ ПУЩУ! ВЫЛЕЗАЙ, ШЛЮ...!

— Рома, отстань! — мой крик звучит хрипло, чужим голосом. Я отодвигаюсь вглубь сиденья, страх сковывает горло ледяным кольцом. Он не просто зол – он опасен. — Это МОЙ выбор!

— ВЫБОР?! — его хриплый хохот режет слух. — ТЫ ВЫБРАЛА ДЕНЬГИ И ПАПКИ-НОГО СЫНКА! ТЫ ПРОДАЖНАЯ...!

Марк распахивает свою дверь одним резким движением. Он выходит – не спеша, как тигр, покидающий клетку. Каждое движение исполнено смертоносной грации.

— Последний шанс, Воробьев, — его голос низкий, опасный, как гул перед землетрясением. — Вали. Сейчас.

— ШАНС?! — Рома плюет на дорогой лак капота. Слюна стекает мерзкой каплей. — ТЫ ВЛЕЗ В МОЮ ЖИЗНЬ! УКРАЛ! Я ТЕБЯ УРОЮ КОЗЛИНА!

А дальше, происходит абсолютная жесть, потому что Рома выхватывает из-за пояса складной нож.

Лезвие выскакивает с металлическим *щёлк-звяк!*, блеснув грязным стальным зубом.

Он направляет нож в сторону Марка.

— Ну, что, урод? Страшно? Уже не такой борзый, да?

Дорогие читатели!

Приглашаю всех в горячую новинку нашего литмоба

Маши Старковой и Анны Жуковой

“Мажор играет без правил”

<https://litnet.com/shrt/9hol>

Аннотация:

— Маша Дворцова, да? — он завёл мотор, бросая на меня быстрый взгляд.

— И?

— Дочь препода, умница, красавица, с принципами, — он ухмыльнулся. — Теперь ты наша местная достопримечательность.

— А ты — Егор Самский. Любитель коллекционировать девушек, как трофеи, — я посмотрела в окно деланно зевая, — не впечатляет.

— Меня записали в злодеи? — он притворно вздохнул. — Как предсказуемо.

— Предсказуемо — это твой флирт и дешёвые уловки, — я повернулась к нему, — но на меня это не работает.

Егор засмеялся.

— Знаешь, что самое интересное в охоте? — он намеренно снизил скорость, будто растягивая момент и окатил меня долгим горячим взглядом. — Когда дичь думает, что она охотник.

Я не ответила. Этот мажор выпендривался, а я не хотела потакать ему.

***

Когда циничный мажор Егор поспорил, что легко завоюет сердце неприступной девушки универа Маши, но не учёл того факта, что сам может влюбиться.

В мире манипуляций и фальшивых пустышек, только настоящие чувства имеют цену.

Глава 8 - Отдохни

Марк сощуривает янтарные глаза, взгляд его становится опасно внимательным, будто он оценивает очередного противника на ринге.

— Воробьев, ты серьезно? Разве тебе не объяснили главное правило? Не доставай оружие, если не готов его применить. А у тебя яиц на это явно не хватит.

Голос Марка звучит холодно, почти лениво, но я вижу, как в нем напряжены плечи. Он не просто бросается словами — он готов к драке, если понадобится.

— О, серьезно? — Скалится Рома, сжимая кулаки. — Ну, вот, сейчас мы это и проверим.

Твою мать! Только этого мне для полного счастья и не хватало. Я хватаюсь за голову, ощущая, как внутри все сжимается в комок.

— Рома, ты двинул?!

Я выскакиваю из машины, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Ты что творишь?

— Это что творишь ты, Ася? Ты хоть понимаешь с кем ты связ...

Его слова обрывает мощнейший хук слева — Марк бьет быстро, четко, без лишних движений. Рома отскакивает, трясет головой, но тут же получает быструю “двоечку”. Он запрокидывает голову назад, едва удерживаясь на ногах, но Марк аккуратно придерживает его за плечо и мягко укладывает на асфальт, словно заботится, чтобы тот не ударился лишний раз.

— Пускай проспится твой рыцарь, а потом уже предъявляет какие-то претензии и с железяками балуется, — хмыкает Марк, подбирая нож с асфальта. Ловко складывает лезвие, прячет в карман куртки. Его движения спокойные, будто он только что не отправил моего бывшего в нокаут.

— Кстати, думал с ним посложнее будет. Шкаф еще тот.

— Просто ты воспользовался тем, что Рома отвлекся, — зачем-то выгораживаю я своего парня... бывшего парня. Наверное, просто чтобы Волковецкий не зазнавался. — Не особо честно, вообще-то.

Марк усмехается уголками губ.

— Мне можно. Я же худший парень универа.

Он смотрит на меня долгим взглядом, в котором отражается усмешка, но странно горькая.

— Ну что, Ромашка, — он поворачивается ко мне, поправляя манжеты. — Теперь у нас два варианта. Первый — вызываем полицию, и твой бывший дружок просыпается в отделении с обвинением в нападении с холодным оружием. Второй — мы просто уезжаем и забываем этот инцидент, как дурной сон.

Я смотрю на Рому, который хрипит на асфальте, пытаюсь прийти в себя. Вытираю ладонью пот со лба, сердце бешено стучит.

— Ты же знаешь, что я выберу, — говорю я тихо, почти шепотом.

— Знаю. Потому и предложил, — Марк хмыкает. — Но запомни: это последний раз, когда я его щажу.

Он открывает дверь машины, бросает на меня короткий взгляд и жестом приглашает внутрь. Я колеблюсь, глядя на Рому.

— Он очнется. Не переживай, — Марк закатывает глаза. — Хотя, может, и к лучшему, если немного поотшибает себе мозги.

Я сажусь в машину, сердце колотится так, что, кажется, его слышно даже сквозь закрытые двери. Марк заводит двигатель, мы медленно объезжаем лежащего Рому. В зеркале заднего вида я вижу, как тот начинает шевелиться, хватаясь за голову.

— Ты уверен, что он в порядке? — не выдерживаю я, чувствуя укол вины.

— О, теперь беспокоишься? — Марк бросает на меня насмешливый взгляд, в котором читается больше усталости, чем злости. — Минут через десять он уже будет материться и строчить тебе гневные сообщения. Так что расслабься.

Я молчу, сжимая сумку с договором так крепко, что пальцы белеют.

— Кстати, насчет этого... — Марк кивает подбородком на мою сумку. — Ты все еще хочешь подписать? Или уже передумала?

— Я не передумала, — говорю я, хотя голос слегка дрожит и хочется спрятаться куда-нибудь под сиденье.

— Хороший ответ, — он ухмыляется. — Но если хочешь, можем сначала заехать куда-нибудь. Выпить кофе. Успокоиться.

— Ты предлагаешь мне свидание перед подписанием кабального договора?

— Нет, я предлагаю кофе перед подписанием взаимовыгодного соглашения, — поправляет он. — И да, если ты снова попытаешься меня ударить, я могу ответить.

— Обещаешь? — неожиданно для себя огрызаюсь я, сама удивляясь своей смелости.

Его глаза вспыхивают холодным огнем.

— Обещаю, — он медленно проводит языком по нижней губе, где еще виден след моего вчерашнего укуса. — Но только если ты попросишь. И, предупреждаю, сделаю это по-своему.

Я отворачиваюсь к окну, чувствуя, как щеки обжигает жар.

— Просто вези к юристу, Волковецкий.

— Как скажешь, Ромашка.

Машина плавно трогается, оставляя позади университет, зевак и Рому, который, кажется, уже приходит в себя.

*

Офис юриста встречает нас холодным блеском: стеклянные стены отражают мое бледное, встревоженное лицо, а черный мраморный пол гулко отзывается стуком подошв моих кроссовок. Здесь все выглядит слишком стерильно, слишком дорого, слишком чуждо. Я чувствую себя максимально не вписывающейся в эту строгую роскошь, будто оказалась в чужой жизни, где не осталось места для моего привычного беспорядка и простоты.

Марк уверенно проходит вперед и разваливается в кресле, перекинув ногу через ногу. Его пальцы ритмично барабают по ручке кресла, как будто он здесь хозяин, а я — всего лишь случайная прохожая.

За огромным столом сидит «дядя Коля» — мужчина с лицом, словно высеченным из гранита. Его взгляд строг, и кажется, он видит меня насквозь.

Внутри все сжимается, хочется провалиться сквозь землю, но я стараюсь держаться прямо. Это мой шанс, мой выбор, и отступать уже поздно.

— Ну что, подписываем? — голос Марка звучит слишком непринужденно для этого места, словно он предлагает не сделку, а что-то вроде дружеского спора.

Я киваю, стараясь скрыть дрожь в руках, когда беру ручку. Юрист скользит взглядом по бумагам, морщится, делает пометки.

И я понимаю — вот он, момент, когда моя жизнь меняется.

Навсегда.

Глава 9 - Варианты

Я киваю, стараясь, чтобы рука не дрожала, когда беру ручку. Ладони мокрые, будто я не документы подписываю, а экзамен по вождению сдаю. Юрист скользит взглядом по бумагам, время от времени цокая языком. Напряжение в комнате сгущается, как свежесваренный эспрессо.

— Перед подписанием нужно зарегистрировать название, — ровно говорит он, не отрываясь от бумаг. — Вы определились?

Мои пальцы замирают над документом.

Ой, блиин. У меня были наработки, но из-за всего происходящего я так и не доделала их. А теперь они все и вовсе кажутся максимально идиотскими, особенно если оценивать их в присутствии этого... великолепного образца токсичного инвестора.

Марк медленно поднимает бровь, будто чувствует жертву.

— Ой-ой, — он притворно округляет глаза. — Неужели ты пришла без названия для своего "кафе мечты"?

— Я... ещё выбираю, — сквозь зубы выдавливаю я, чувствуя, как щеки начинают предательски гореть.

— Ах вот как! — Марк хлопает себя по колену, его глаза загораются опасным блеском. — Значит, помимо подписания договора, мы теперь ещё и креативную сессию устраиваем? Превосходно! Сейчас будет наше с тобой первое партнёрское решение и, кстати, ты же помнишь, что последнее слово за мной? Я же инвестор.

Юрист вздыхает, но молчит, а я сжимаю кулаки.

Явно ничего хорошего мне ждать не придётся.

Что ж, сама виновата. Молодец, Ася.

Волковецкий широко скалится, явно крайне довольный происходящим.

— Например, — Марк прикладывает палец к подбородку, — "Кофе для неудачников"?

— Ты...

— Или вот! — он щёлкает пальцами. — "Кафе 'Долги и слёзы'". Прямо про тебя.

Я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони.

Но он не останавливается:

— А может, "Точка невозврата"? Или "Финансовая пропасть"?

Юрист начинает нервно постукивать по столу.

— О, придумал! — Марк театрально хлопает в ладоши. — "Банкрот". Коротко, ясно, и сразу видно, куда ты катишься.

— Марк, хватит! — не выдерживаю я, едва сдерживая голос.

— Ну ладно, раз уж тебе нужно что-то анимешно-фэнтезийное... — Марк закатывает глаза и делает вид, что вот-вот сорвётся на смех. — Или, слушай, вот это хит! — он делает вид, что что-то записывает. — Заварка отчаяния".

Юрист кашляет в кулак, пытаясь скрыть улыбку.

— Может, что-то более... нейтральное? — предлагает он, бросая на меня сочувствующий взгляд.

— Ну хорошо, — Марк изображает на лице страдальческое выражение, — "Кафе 'Стабильность'". Правда, звучит как диагноз. — Хм...или Кофейня 'Дежурное разочарование'".

Я уже не знаю, то ли смеяться, то ли выть.

— Марк, прекрати! — пытаюсь оборвать этот поток абсурда.

Он вдруг прищуривается, и я понимаю, что сейчас будет что-то ещё хуже.

— Ну если уж тебе хочется чего-то волшебного...как насчет

— "Таверна 'Горький опыт'" Хотя, неет! Я придумал, – его глаза загораются. – "Кафе 'Няшка-тян'"? — слащаво предлагает он. — С официантками в кошачьих ушках? Кстати, ты же там будешь работать, да? Тогда я возьмусь и за разработку униформы.

Я чувствую, как кровь приливает к лицу, но Марка это только раззадоривает:

— "Горячие эльфиечки"? С девушками в остроконечных ушах и коротеньких зеленых юбочках, чтобы гости теряли рассудок не только от кофеина, но и от ваших прелестей? — Он подмигивает.

Я вскакиваю, и стул с грохотом падает назад.

— ЗАТКНИСЬ! — вырывается у меня громче, чем я рассчитывала.

Марк разражается смехом, откидываясь в кресле.

— Наконец-то! Я уже думал, ты вообще не умеешь злиться.

— Если ты не прекратишь, я...

— Что? — он резко наклоняется вперед, его дыхание обжигает мою кожу. — Снова укусишь меня?

Я отпрыгиваю, чувствуя, как горит всё лицо.

— Я хочу нормальное название! — выдыхаю я. — Не твои идиотские шутки!

Внезапно его выражение меняется. Насмешка исчезает, и я впервые вижу в его глазах что-то настоящее.

— Тогда скажи сама. Каким ты видишь это место? — неожиданно серьезно спрашивает он.

Я задумываюсь, собирая мысли в кучу.

— Оно должно быть... волшебным. Чтобы люди заходили и чувствовали, будто попали в другую реальность. С книгами, с тёплым светом, с напитками, которые называются не просто "кофе", а...

— "Зельем мудрости"? — неожиданно серьезно предлагает он.

Я смотрю на него с подозрением, но вижу только искренность.

— Да... что-то в этом роде. Ну и вообще, чтоб такая отсылка к тавернам в играх была и...

Марк задумчиво постукивает пальцами по столу.

— "Волчья ромашка".

— Что? — я не могу не удивиться.

— "Волчья ромашка", — хмыкает Волковецкий. — По-моему, идеальное название таверны в фэнтезийном мире. Ну и сразу понятно, кто тут заправляет.

Я уже собираюсь возразить, что ромашка не волчья, но на самом деле... идея-то неплоха. Да и вообще, лучше согласиться на это. А то зная фантазию Марка, будет что-то гораздо хуже.

Юрист вдруг оживляется.

— Это... на самом деле хорошее название, — говорит он с неожиданным одобрением.

Я изучаю лицо Марка, пытаюсь найти подвох. Но вижу только неожиданную искренность.

— Ладно, — нехотя соглашаюсь я. — "Волчья ромашка".

Марк ухмыляется, и прежняя насмешливость возвращается.

— Отлично. Теперь подписывай, пока я не передумал.

И я подписываю.

Не понимая, что страшнее — его язвительность или то, что последнее название он придумал... идеально.

Глава 10 - Шок!

— Ну, что? Теперь пойдем осматривать помещение и подписывать договор?

Марк поднимается, но в этот момент раздается звонок. Его телефон резко вибрирует на столе — коротко, требовательно. Он бросает на меня извиняющийся взгляд, отвечает быстро, практически не слушая, и тут же смотрит на часы, как будто надеется, что время можно повернуть вспять.

— Отец вызывает на срочное совещание. Придется отложить осмотр.

Я закатываю глаза, чувствуя, как раздражение и усталость смешиваются где-то под кожей.

— Ну конечно. Как же иначе.

— Не кисни, — Марк достает телефон и, не глядя на меня, уже что-то ищет в контактах.

— Вызову тебе бизнес-такси.

— Я могу сама...

— Можешь. Но не будешь, — он не отрывает взгляда от экрана. — Это входит в "заботу инвестора".

Я вздыхаю. В этот момент спорить бессмысленно — Марк уже полностью поглощен своими делами, а я — своими мыслями.

Через двадцать минут, которые тянутся вечностью, черный Mercedes с тонированными стеклами плавно подъезжает к университету. Водитель — мужчина в строгом костюме, одно временно безликий и внушающий уважение, молча открывает передо мной дверь.

— Адрес знаете? — спрашиваю я, стараясь не выдать нервозности.

— Да, — отвечает он коротко, и в его голосе слышится уверенность человека, привыкшего к подобным поручениям. — Господин Волковецкий все объяснил.

Я опускаюсь на мягкое кожаное сиденье и, глядя в окно, стараюсь упорядочить мысли. Город за стеклом словно размывается, превращается в поток пятен и силуэтов. В голове — каша: договор, название, Марк с его странной, противоречивой натурой, то язвительный, то вдруг почти человечный. Я прокручиваю в памяти его фразы, оцениваю, что могла бы сказать иначе, и невольно думаю — неужели всё действительно так сложно?

Машина, почти не ощутимо замедлившись, останавливается у знакомого здания. Я пытаюсь расплатиться, но водитель решительно отказывается, сдержанно кивает:

— Всё уже оплачено.

Я выхожу. Воздух кажется тяжелым, влажным. Первый удар — запах: затхлый, густой, с примесью чего-то химического и ржавого, как в старых подвалах. Он бьет по ноздрям, заставляя невольно поморщиться.

Второй удар — вид.

Дверь в кафе приоткрыта. Я толкаю её, и она возмущенно скрипит, будто жалуется на судьбу. Осторожно вхожу внутрь — и замираю. Помещение, еще несколько дней назад выглядевшее пусть старомодно, но уютно, теперь напоминает зону боевых действий. Стены покрыты облупившейся краской, в углах разрослись серо-зеленые пятна плесени, словно кто-то специально развёл здесь сырость. С потолка свисают водяные капли, которые размеренно падают в ржавое ведро, стоящее посреди зала. Этот звук — кап-кап — вдруг становится невыносимо громким.

Пол — отдельная история. Доски местами вырваны, словно их ковыряли ломом, а кое-где торчат гвозди и щепки. Я осторожно переступаю через лужи, чувствуя, как обувь предательски прилипает к липким пятнам.

Но самое странное — мебель и техника остались на месте, как и обещала Людмила Петровна. Холодильник, кофемашина, столики — они стоят, будто выжившие после катастрофы, упрямо держатся за свое место среди этого хаоса.

Я достаю телефон, руки дрожат, но я стараюсь держаться. Набираю номер.

— Людмила Петровна? Это Ася Ромашова. Я у кафе... Что здесь произошло?!

— Ах, детка, — вздыхает она тяжело, и я почти слышу, как она качает головой. — Ты же знаешь, это старый дом. А вчера ночью трубу прорвало на верхнем этаже. Вода хлынула, затопило...

— Но... как так быстро?!

— Да тут уже давно всё гнилое было, — машет она рукой, и я чувствую этот жест, хотя её не вижу. — Просто раньше не так заметно. Вся эта красота держалась на честном слове...

Я медленно опускаюсь на ближайший стул (который, к счастью, не разваливается). В голове пустота и звон, будто после удара.

— И... что теперь?

— Ну, если хочешь, можешь отказаться, — говорит она небрежно, как будто речь идёт о покупке новой кофточка. — Хотя залог, конечно, не вернётся. Уверена, другие претенденты будут только рады. Сама понимаешь, такое место. Конкурентов нет...

— Дайте мне пару минут, — сдавленно шепчу я, после чего кладу трубку, чувствуя, как ком подкатывает к горлу. Смотрю на свои дрожащие пальцы, пытаюсь дышать ровно.

Я пытаюсь взять себя в руки. Итак, какие варианты?

Первый и самый простой — отказаться. Потерять залог, вернуться к Марку с повинной, выслушать издевательское «я же говорил» от Ромы и поставить крест на своей мечте. Всё, что построено в голове за последние недели, рассыплется, как карточный домик.

Второй — ввязаться. Попробовать восстановить, вложив ещё больше денег, которых у меня нет. Искать строительные бригады, кредиты, договариваться с рабочими, молиться, чтобы не всплыли новые проблемы... Риск, который может поглотить всё.

И третий — позвонить Марку. Признать, что сама не справляюсь, и услышать его вердикт. Пусть даже язвительный, пусть даже с ехидной ухмылкой — но, возможно, он подскажет решение, которого я сейчас не вижу.

Но как же не хочется! Мне нужно привыкнуть решать свои проблемы без него, если я в конце концов собираюсь сделать это кафе только своим. Я должна научиться стоять на своих двоих, даже если под ногами сейчас — сплошная мокрая дыра.

А я собираюсь.

Глава 11 - Характер

Я вдыхаю глубоко, жадно, будто впервые за весь день вспоминаю, что у меня есть лёгкие. Холодный, затхлый воздух царапает горло и наполняет грудь, отдаваясь неприятной сыростью внутри. Я чувствую, как он скользит по бронхам, оставляя после себя тяжёлый привкус старости и плесени. Пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки — не от страха, не от растерянности, а от внезапно нахлынувшей, почти дерзкой решимости, которая вдруг проснулась где-то в груди.

«Нет. Так не пойдёт».

Я уже не та, что пришла сюда утром — потерянная, неуверенная. Теперь во мне что-то изменилось. Я твёрже стою на ногах, даже взгляд стал другим — цепким, внимательным. Медленным движением достаю телефон, быстро прокручиваю в голове последние реплики Людмилы Петровны, и решаю: нужно действовать сейчас, пока внутри горит этот огонь.

Набираю её номер снова. Пальцы немного дрожат — не от волнения, а от предвкушения. На третьем гудке трубку берут.

— Ну что, решила, детка? — голос Людмилы Петровны звучит снисходительно, даже слегка насмешливо, будто она уже знает мой ответ наперёд и ждёт, когда я сдамся.

Я закрываю глаза на секунду, чтобы собраться.

— Людмила Петровна, — мой голос звучит ровно, спокойно. Ни намёка на дрожь. — Вы же понимаете, что в таком состоянии помещение стоит в три раза дешевле?

На другом конце — пауза. Кажется, она не ожидала такого поворота.

— Ой, да что ты...

— Тут нужен капитальный ремонт, — перебиваю я, круча взглядом грязные, изъеденные плесенью стены. — Замена коммуникаций, выравнивание пола, антигрибковая обработка. Это сотни тысяч рублей, если не больше.

— Но техника-то хорошая! — пытается возразить она, будто зацепившись за соломинку. — И мебель...

— Техника уже далеко не новая, — холодно парирую я. — А мебель вообще, проще выбросить, чем реставрировать. Вы же сами знаете.

Снова тишина. Я слышу, как она нервно вздыхает, будто перебирает в голове варианты, как выкрутиться.

— Ну... может, небольшая скидка...

— Не небольшая, — я машинально постукиваю по облупившемуся столу пальцами. — Либо вы уступаете мне его за половину первоначальной цены, либо я ухожу и вы дальше ищите дурака, который купит вам эту развалюху.

Густая тишина на линии. Я будто чувствую, как Людмила Петровна колеблется, взвешивает. Потом — неожиданно сдвинутый смех, больше похожий на вздох раздражения.

— Да уж, знала, что это поколение наглое, но чтоб настолько.

Снова короткая пауза.

Я готовлюсь к продолжению противостояния, но Людмила Петровна внезапно говорит:

— Что ж, ладно. Я сейчас переделаю договор и подъеду в течение часа.

— Хорошо, буду ждать, — спокойно отвечаю я, после чего опускаю телефон, и вдруг осознаю — я сделала это.

Не Марк. Не Рома. Я сама. Я добилась своего, не уступила, не испугалась. В груди разливается странное, неожиданное тепло — самая настоящая гордость вперемешку с облегчением. И капелька счастья.

Я достаю телефон, чтобы сразу написать Волковецкому — ведь это важно, хочется поделиться победой. Но в последний момент останавливаюсь. Нет, сначала нужны доказательства.

Я методично, шаг за шагом, делаю двадцать фотографий: трещины, глубокие и уродливые, на стенах; прогнивший, местами провалившийся пол; ржавые, искривлённые трубы, по которым, кажется, вот-вот побежит вода. Особенно тщательно снимаю плесень — крупным планом, чтобы ни у кого не осталось сомнений, чтобы чёрные пятна выглядели так пугающе, как они есть на самом деле.

Только после этого набираю сообщение:

«Помещение в ужасном состоянии. Но я договорилась о скидке в 50%. Через час подписываем новый договор купли-продажи. Если твои юристы хотят его проверить — пусть едут сейчас.

Отправляю. И тут же, не удержавшись, добавляю ещё одно сообщение:

“И да. Я справилась сама, поэтому, готовься к поражению в будущем, Волковецкий”.

Проходит всего три секунды — телефон взрывается звонком. Марк.

— Ромашка, — его голос звучит странно — между ухмылкой и легким раздражением. — Ты либо гений, либо немного пришибленная.

— Гений, — не сдерживаю довольной ухмылки. — Со скидкой.

Он смеётся — низко, хрипло, по-настоящему. — Ну-ну, утешай себя. Я сейчас подъеду. Сама ничего не подписывай. Хочу посмотреть на эту помойку своими глазами.

— Не надо, я...

— Это не просьба, — перебивает он. — Условия договора изменились — значит, и мои инвестиционные планы тоже. Я должен оценить насколько всё плохо и стоит ли вообще туда лезть.

Я вся замираю.

— То есть, ты можешь отказаться?

— Могу. — Холодно отвечает Марк. — Ты мне показывала совершенно другой проект, который уже почти готов к открытию. А сейчас это просто куча дерьма.

Глава 12 - Флирт

Следующие полчаса я провожу, будто сижу на раскалённых иголках. Часы тикают слишком громко, а каждая минута тянется вечностью. Мне кажется, если Марк сейчас откажется, всё, что я делала, всё, о чём мечтала, просто рассыплется в пыль. Всё снова потеряет смысл. От одной только мысли об этом внутри всё сжимается — будто кто-то затянул узел прямо у меня на сердце.

Я бы, наверное, и хотела разозлиться на Марка — ну как он может быть таким холодным, таким рациональным, когда речь идёт о моей мечте? Но стоит оглядеться вокруг — на полу пыль, стены ободраны, запах сырости и старого кофе — я понимаю: он прав. Как настоящий бизнесмен он видит то, что вижу и я, но не хочу признавать. Если проект с самого начала идёт наперекосяк, может, и правда, не стоит за него цепляться? По крайней мере, не ему. Это моё кафе — моя мечта, мой смысл, но точно не его.

Что же тогда делать? Сдаваться? Открыть дверь и уйти, оставив всё как есть? Нет, я так не умею. Я начинаю метаться мыслями, лихорадочно искать хоть какую-то лазейку, какой-то шанс. И тут в голову приходит план — абсолютно дурацкий, но, может, он сработает. Решаю рискнуть, включить "девочку" на максимум, пофлиртовать с Марком, сыграть на том, что ему, кажется, я всё-таки нравлюсь. Вдруг получится его переубедить? Пусть это и не самый честный способ, но иногда, когда мечта на кону, любые средства хороши.

Главное, чтобы Марк приехал раньше Людмилы Петровны. Мне нужно время, чтобы собрать себя в кучу и выставить наружу всё своё обаяние.

Впервые за долгое время удача улыбается мне. Первым приезжает Марк.

Я слышу низкий, тяжёлый рёв двигателя, едва различимый сквозь щель приоткрытого окна. Чёрный Mercedes резко тормозит у самого входа — настолько близко, что я вздрагиваю. Дверь хлопает, и он появляется — Марк. Весь в чёрном: строгие ботинки, кожаная куртка, рубашка. Лицо каменное, взгляд холодный, как ледяная вода. Походка быстрая, уверенная, как будто он пришёл сюда только потому, что так надо, а не потому, что хочет.

— Ну, показывай свою "скидку", — бросает он, даже не поздоровавшись по-настоящему.

Я делаю глубокий вдох. Сердце бешено колотится, ладони становятся влажными. Сейчас или никогда. Я решаюсь.

— Марк, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал мягко, даже чуть с придыханием. Я внезапно меняю позу — одна рука на бедре, другая будто бы небрежно поправляет волосы, хотя на самом деле это жест отчаянной храбрости. — Ты такой... пунктуальный.

Он останавливается, смотрит на меня с удивлением. Бровь медленно ползёт вверх, будто он не может поверить в то, что видит.

— Ты в порядке? У тебя лицо странное.

— Просто... — делаю шаг ближе, и "случайно" касаюсь его руки. Легко, почти невесомо, но контакт есть. — Я так рада, что ты приехал.

Он смотрит на меня пристально, глаза сужаются, и во взгляде появляется что-то недоверчивое.

— Ромашка, ты что, ударила головой?

— Нет, просто... — я закусываю губу, делаю глаза максимально большими, хлопаю ресницами, словно героиня какого-то аниме. — Мне нужна твоя помощь.

— Ага, — он скрещивает руки на груди, ухмыляется. — И сейчас ты будешь флиртовать, чтобы я не отказался от этого сарая?

Я чувствую, как щеки заливают жар — краснею до самых корней волос.

— Я не... то есть...

— Боже, — он закатывает глаза и проводит ладонью по лицу, будто устал от моих попыток. — Ты ужасна в этом.

Меня охватывает злость, всё обаяние вмиг испаряется.

— Ну и ладно! — взрываюсь я, раздражение хлещет через край. — Просто... ты прав, это дерьмо, но это МОЁ дерьмо! И если ты...

Вдруг Марк резко и неожиданно закрывает мне рот своей ладонью. Его пальцы жаркие, чуть шершавые, пахнут кожей и чем-то мужским. Я замираю, даже дышать боюсь.

— Заткнись, — тихо говорит он, его голос становится ниже, хрипловатым.

Я чувствую, как его дыхание становится чаще, почти горячо касается моей щеки.

— Если бы ты хотела меня соблазнить, — его голос почти шёпот, — нужно было бы сделать вот так...

Он вдруг прижимает меня к стене. Его рука — у моего виска, другая обхватывает талию, легко, но крепко. Его тело — твёрдое, сильное, я чувствую его тепло даже через одежду. Он близко, так близко, что мои мысли путаются.

— Во-первых, — его губы в сантиметре от моего уха, я ощущаю его дыхание, — не надо этих дурацких глаз.

Я сглатываю, сердце срывается с ритма.

— Во-вторых... — его рука скользит по моему боку, вызывая по коже целую армию мурашек.

— ...если уж флиртовать, делай это уверенно.

Я чувствую его запах — дорогой парфюм, чуть терпкий, с примесью чего-то опасного, дикого. Я почти теряю равновесие, но его рука крепко держит меня.

— И в-третьих... — вдруг отстраняется, резко, как будто ничего не было, оставляя меня стоять у стены, сбитую с толку и с дрожащими коленями.

— Не надо играть в то, в чём ты не разбираешься.

Я пытаюсь что-то сказать, но слова застревают в горле. В этот момент раздаётся звонок — громкий, резкий.

— Это Людмила Петровна, — шепчу я, голос едва слышен. Почему-то сказать что-то громче просто не получается.

— Тогда скажи ей, чтоб ехала резче, — сухо хмыкает Марк, даже не смотря на меня. — Будем подписывать твой "договор мечты". А потом, — он медленно опускает взгляд на мои губы, — съездим кое-куда и это отметим. А заодно потренируешься, как соблазнять меня получше.

Я стою, все ещё дрожа от его прикосновений, и вдруг понимаю простую вещь: я проиграла. Но при этом ощущаю странное, почти сладкое волнение — Марк явно не забыл этот момент. И, похоже, ещё не раз напомнит мне о нём.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в горячую новинку молодёжной прозы 18+

от

Ники Княжиной

“Влюбить. Игра мажора”

<https://litnet.com/shrt/9zqV>

Глава 13 -Тёмная сторона

Людмила Петровна входит, одетая в поношенный, но дорогой костюм, ее лицо светится дежурной улыбкой, пока она не замечает Марка.

— О, у вас компания? — ее голос звучит неуверенно.

Марк не утруждает себя приветствием. Он медленно поднимается со стула, и его взгляд — холодный, оценивающий — скользит по ней сверху вниз.

— Вы Людмила Петровна? — его тон ледяной, почти хирургически точный.

— Да, я...

— Прежде чем подписывать что-либо, — перебивает он, — я хочу кое-что уточнить.

Он делает шаг вперед, и женщина инстинктивно отступает.

— Вы действительно считаете, что можете продать это... — он окидывает помещение презрительным взглядом, — что-то за половину цены и считать это честной сделкой?

Людмила Петровна краснеет.

— Молодой человек, я хотела...

— Что “я хотела”? — Марк ухмыляется. — “Я хотела вас поиметь на деньги”? По документам вы владели этим помещением двадцать лет. И за это время даже не потрудились сделать элементарный ремонт.

Его слова падают, как удары хлыста.

— Теперь вы хотите спихнуть свою проблему на наивную студентку.

Людмила Петровна опускает глаза.

— Я... это не так...

— Не врите, — его голос становится тише, но от этого только опаснее. — Я видел ваши предыдущие договоры. Поинтересовался и пробил. Вы специально завышали цену, зная о состоянии здания. И спешку эту устроили специально.

Женщина начинает дрожать.

— Я не...

— Скидка будет семьдесят процентов, — резко заявляет Марк. — Или мы уходим, а вы хрен кому продадите эту рухлядь. Уж я об этом позабочусь. Фамилия Волковецкий вам о чем-нибудь говорит?

Людмила Петровна бледнеет.

— Но...

— Решайте. Сейчас.

В воздухе повисает тяжелая пауза.

— Хорошо, — наконец шепчет она.

Марк поворачивается ко мне, его лицо все еще холодное.

— Подписывай.

Я беру ручку, но мои пальцы дрожат.

После меня Людмила Петровна подписывает договор с таким видом, будто ей только что вырвали зуб без анестезии. Её рука дрожит, когда она протягивает документ мне, а её взгляд — острый, как лезвие — скользит по Марку, полный возмущения и даже ненависти.

Марк, конечно, не обращает на это внимания. Он уже достаёт телефон, что-то быстро печатает, изредка бросая взгляд на часы — будто эта сделка для него не более чем мелкая формальность, которую нужно поскорее завершить.

Когда все бумаги подписаны и деньги перечислены, Людмила Петровна собирается уходить, она вдруг ловит меня за рукав, притягивает к себе и шепчет так, чтобы Марк не услышал:

— Детка, ты уверена, что хочешь связываться с этим... типом?

Я моргаю, не понимая, к чему она клонит.

— Он же... — её губы кривятся в гримасе отвращения, — настоящий хищник. Видела, как он на меня смотрел? Как на кусок мяса. Такие, как он, людей не уважают. Только используют.

Я чувствую, как во мне закипает раздражение.

— Людмила Петровна, это вы пытались продать мне затопленную развалюху за полную цену, — холодно напоминаю я.

— Ой, да что ты! — она машет рукой, но её глаза бегают, не находя точки, за которую можно зацепиться. — Просто... береги себя и беги от него. Он тебя сожрёт. Не пара этот зверь такой светлой девочке как ты.

Марк, который, казалось, был погружён в телефон, вдруг поднимает голову. Его взгляд — тяжёлый, неумолимый — останавливается на Людмиле Петровне.

— Вы всё ещё здесь? — спрашивает он с лёгкой насмешкой.

Женщина резко выпрямляется, бросает на меня последний взгляд — смесь жалости и предостережения — и почти бежит к выходу. Дверь захлопывается за ней с громким хлопком, будто ставя точку в этом неприятном диалоге.

Я поворачиваюсь к Марку.

— Ты специально её так напугал?

Он пожимает плечами, пряча телефон в карман.

— Она сама решила поиграть в кошки-мышки. Просто не ожидала, что мышь окажется с клыками.

— Она сказала, что ты... — я запинаюсь, не решаясь повторить её слова.

— Что я подонок, маньяк и вообще воплощение зла? — он ухмыляется. — О, это ещё цветочки. В бизнесе тебе скажут и не такое.

— Но...

— Но ничего, — он перебивает меня, внезапно становясь серьёзным. — Ты думала, что открыть кафе — это только про круассаны и латте-арт? Нет, Ромашка. Это ещё и про вот таких, как она. Которые будут давить, манипулировать, плести интриги. И если ты не научишься давать отпор — они тебя сожрут.

Я молчу, потому что он прав. Людмила Петровна — лишь первая в череде тех, кто попытается воспользоваться моей неопытностью.

— Так что... — Марк делает шаг ко мне, его голос становится тише, — если хочешь, чтобы твоё кафе выжило — учись драться.

— Да... ты прав...

Я сжимаю только что подписанный договор, и пальцы непроизвольно дрожат. Не от радости — нет, скорее от осознания, что теперь я связана с ним куда крепче, чем минуту назад. Марк стоит в двух шагах, листая что-то в телефоне, и его профиль в полумраке кафе кажется резким, почти хищным.

Он добился для меня скидки в 70%. Но какой ценой?

В голове всплывает его голос, холодный и режущий, как лезвие: «Скидка будет семьдесят процентов. Или мы уходим». И выражение его глаз — безжалостное, будто Людмила Петровна для него не человек, а просто помеха на пути.

А если однажды я стану такой помехой?

Я вдруг ловлю себя на мысли, что боюсь не только его методов, но и... его самого. Потому что за этой показной бравадой, за этими насмешками и внезапными вспышками «заботы инвестора» скрывается что-то куда более опасное. Что-то, что он тщательно контролирует, но однажды может выпустить наружу.

И главный вопрос — что будет, если это «что-то» обратится против меня?

Марк поднимает голову, замечает мой взгляд, и угол его губ медленно ползёт вверх.

— Что, Ромашка, впечатлилась? — он делает шаг вперёд, и я невольно отступаю к стене. Он замечает это. Останавливается. Глаза сужаются.

— Ты... боишься меня? — в его голосе странная смесь любопытства и чего-то ещё — будто моя реакция его одновременно забавляет и будто бы...расстраивает?

Я резко выпрямляюсь, пытаюсь скрыть дрожь в голосе:

— Не выдумывай.

Но это ложь. И он знает.

Потому что через секунду его рука внезапно касается моей — лёгкое, почти невесомое прикосновение. Но от него по спине бегут мурашки.

— Напрасно, — он наклоняется так близко, что я чувствую его дыхание на своей коже.

– Со своими я играю по другим правилам.

Я поднимаю на него и слабо улыбаюсь.

– Не сомневаюсь, Волковецкий. Вот только – эти правила лучше или куда страшнее?

Дорогие читатели, рекомендую новый роман

Жени Громовой

Мажор. Ставка на любовь

<https://litnet.com/shrt/97DD>

Глава 14 - Приглашение

Дождь за окном превращается в монотонный шепот, будто кто-то неспешно шуршит страницами огромной, скучной книги. В помещении кафе висит тяжёлое, почти вязкое молчание. Воздух кажется густым, и даже свет лампы над столом не рассеивает этот туман напряжения. Я всё ещё крепко сжимаю в руках договор, ощущаю, как бумага мнётся под пальцами, словно это не документ, а последняя соломинка моего спокойствия.

Марк первым нарушает тишину — его голос звучит неожиданно легко, почти насмешливо:

— Ну что, Ромашка, будем праздновать?

Я поднимаю на него глаза, в которых, наверное, отражается вся моя злость и усталость:

— Что праздновать? То, что нам теперь нужно вбухивать в эту развалюху в два раза больше денег, чем я рассчитывала? Еще и открыться сможем не пойми когда.

Он усмехается, и по его лицу пробегает тень довольства. Медленно, с ленивой грацией хищника, он обходит меня, не сводя взгляда, будто оценивает, сколько у меня сил ещё осталось.

— Факт того, что ты только что выиграла свой первый бой. Пусть и с моей помощью, — произносит он с той самой полуулыбкой, которая всегда выводит меня из себя.

— Это не победа. Это... компромисс, — возражаю я, с трудом удерживая голос спокойным.

— В бизнесе, детка, это и есть победа, — его интонация уверенная, как всегда.

Он останавливается совсем близко, и я невольно задираю голову, чтобы встретиться с его взглядом. В полумраке заброшенного кафе его глаза кажутся почти черными — в них ни намёка на сомнение.

— Так что собирай свои вещи. В восемь я за тобой заеду, — его голос не допускает возражений.

Я хмурюсь, упрямо поджимая губы:

— Зачем?

— Чтобы выпить. Расслабиться. Или ты думаешь, я позволю тебе закопаться в этих руинах сразу в первый же день?

— Это не...

— Не свидание? — он ухмыляется шире. — Конечно нет. Просто деловой ужин.

Я хочу отказаться. Сказать, что устала и мне нужно ещё миллион дел переделать. Но что-то в его тоне — этот лёгкий, почти неуловимый вызов — заставляет меня кивнуть, будто я сама принимаю это решение.

— Хорошо. Но только на час.

— На сколько скажу я, — отрезает он и уже поворачивается к выходу, но бросает через плечо: — И оденься... поинтереснее.

Вечером я стою у открытого шкафа, перебираю одежду и в сотый раз за вечер проклинаю себя за то, что вообще согласилась. «Поинтереснее». Что это вообще значит? Платье? Но это будет выглядеть так, будто я действительно воспринимаю это как свидание. Джинсы и топ? Слишком просто и невыразительно.

В итоге я останавливаюсь на чёрной кожаной юбке — не слишком короткой, но и уж точно не для офиса — и тёмно-бордовом шелковом топе, который подчёркивает линию плеч. Лёгкий макияж, густая тушь с эффектом накладных ресниц, губы на тон темнее обычного. В зеркале отражается кто-то новый — более уверенная, взрослая версия меня.

— Ты выглядишь... потрясающе.

Я вздрагиваю от неожиданности и оборачиваюсь. В дверях стоит Наташа с пакетом пельменей в руках и округлившимися глазами.

— Спасибо, — бормочу я, проверяя себя в зеркале в последний раз.

— Это к тому парню? Который... — она многозначительно поднимает брови.

— Нет, — резко обрываю я её. — Это чисто деловая встреча.

Наташа закатывает глаза так выразительно, что становится ясно — она мне не верит ни на грамм:

— Ага, конечно. В таком виде только на деловые переговоры и ходят. Вообще-то, он такой горячий. Я бы на нем поскакала, — шепчет она, хихикая.

Я закатываю глаза в ответ и уже готовлюсь что-то колко ответить, но в этот момент под окном раздаётся низкий, уверенный рёв двигателя. Сердце будто спотыкается.

Очевидно, что это Марк приехал.

Я выхожу на улицу, и на мгновение замираю. У тротуара стоит чёрный Jaguar — блестящий, агрессивный, слишком дорогой для наших дворов. Окна тонированы, но я уверена, он наблюдает за мной.

Дверь открывается сама, и я скользко сажусь внутрь, ощущая смесь волнения и раздражения.

— Ну что, Ромашка, готова к вечеру? — Марк одет в тёмно-синий костюм, который при свете уличных фонарей кажется почти чёрным. Рубашка без галстука, верхние пуговицы расстёгнуты. Он выглядит так, будто только что сошёл с обложки журнала.

— Готова, — отвечаю я, стараясь звучать равнодушно, хотя внутри всё сжимается от напряжения.

Он ухмыляется, будто чувствует каждую мою эмоцию, и трогается с места.

Мы приезжаем в место, которое явно не входит в список "деловых ресторанов". Огромная неоновая вывеска "Эгоист" горит в темноте, словно приглашение в другой мир. Это один из самых закрытых клубов города, куда пускают только по членским картам или в сопровождении тех, чьи лица знают все.

— Ты серьёзно? — шепчу я, когда мы подходим к входу.

— А что? — он окидывает меня оценивающим взглядом, и его улыбка становится почти хищной. — Ты же хотела "не свидание"?

— Я думала, мы пойдём в нормальный ресторан!

— Здесь тоже кормят, — хмыкает он. — Расслабься.

Охранник на входе лишь кивает Марку и без слов пропускает нас внутрь. Я чувствую на себе взгляды — смешанные, оценивающие, кто-то явно узнаёт его.

Внутри музыка, свет, толпа — всё это обрушивается на меня разом. Клуб переполнен: красивые люди, дорогие коктейли, смех, который звучит слишком громко, словно все здесь стараются перекричать собственную неуверенность.

И я чувствую себя здесь совершенно неуместной. Как жирный мопс среди чистопородных борзых.

Марк уверенно ведёт меня к VIP-ложе, где уже сидят несколько человек — мужчины и женщины, все будто с картинки. Я ловлю на себе десятки взглядов, но особенно — один, ледяной и цепкий, от девушки в обтягивающем красном платье. Похоже, она тоже с удовольствием бы "поскакала" на Марке, как и Наташа только что сказала.

— Знакомься, — говорит Марк, — мои... друзья.

Я киваю, пытаюсь запомнить хотя бы чьё-то имя, но они тут же вылетают из головы. Всё, что остаётся — это ощущение, что я здесь чужая, и что этот вечер точно не пройдет адекватно.

Дорогие читатели!

У Аны Сакрустартовала новая история
"Слишком близко к тебе"

<https://litnet.com/shrt/PfeI>

Аннотация к книге "Слишком близко к тебе"

— А она ничего, — присвистывает Ванька Чижов, сканируя взглядом мою сводную бесячую "сестренку", — Слушай, а ей восемнадцать то есть? Вдуть уже можно? — ухмыляется, пихая меня в бок.

Злость — неожиданная, неадекватная и какая-то совершенно первобытная мгновенно топит с головой. В ответ тоже пихаю в бок друга. Только с такой силой, что он чуть не отлетает к подоконнику.

— Э, ты чего?! — вскидывается Ваня.

— Ничего, я тебе сейчас сам вдую, забудь, — тихо рычу.

— Хах, забил что ли для себя? А как же родственные связи, семья, — начинает лыбиться Чижов.

— На хрен она мне сдалась! — тут же отнекиваюсь.

— Ага-ага, или тупо думаешь, что не даст? "Брат" же вроде, — ржет, подначивая меня.

— Ты придурок, Чиж. Захочу — даст, глазом моргнуть не успеешь. Спорим?

— А давай, спорим! — тянет ко мне руку, — Чем доказывать будешь?

— Видео сниму.

Глава 15 - Игра

Первые полчаса проходят на удивление спокойно. Виски мягко обжигает горло, а Марк, откинувшись на бархатный диван, даже позволяет себе редкие шутки — настолько, насколько это вообще возможно для него. Его массивное кольцо с чёрным ониксом мерно постукивает по стеклу бокала в такт приглушённой музыке. Обычно взгляд Марка острый, цепкий, как скальпель, а сейчас он слегка затуманен алкоголем и чем-то ещё — чем-то, что заставляет моё сердце выбиваться из ритма.

Вокруг клуб живёт своей жизнью: кто-то смеётся слишком громко, кто-то танцует, растворяясь в неоне. Я чувствую себя в замедленной съёмке — каждый жест Марка кажется особенно значимым, каждый взгляд будто пронизывает до костей. Он ловит мой взгляд, и в его глазах мелькает что-то тёплое, почти ласковое, но сразу прячется за привычной иронией.

Но затем его голос, низкий и опасный, разрезает приятную атмосферу, как острое лезвие: — Так значит, — он наклоняется ко мне, и запах его дорогого парфюма смешивается с ароматом виски, — моя маленькая Ромашка теперь владелица кафе.

Он небрежно перебирает прядь моих волос, и я ощущаю, как по спине пробегают мурашки. Его пальцы сильные, тёплые, и в этом случайном движении столько притяжения, что становится трудно дышать.

— Не "твоя", — выдыхаю я, но голос звучит менее уверенно, чем хотелось бы. Где-то глубоко внутри я знаю — он чувствует каждую мою эмоцию, даже ту, которую я сама себе не признаю.

Марк усмехается, его губы искривляются в той самой ухмылке, которая иногда снится мне по ночам:

— О, прости, конечно же, — он делает глоток, и я заворожено слежу за движением его кадыка. — Независимая бизнес-леди. Которая даже договор без меня подписать не может.

Я собираюсь что-то язвительно ответить, но его нога под столом намеренно сталкивается с моей. Даже через плотную ткань брюк я чувствую жар, словно между нами протянулись невидимые нити.

Рядом, в красном платье, девушка звонко хихикает, кладёт ладонь на его предплечье. Я чувствую укол ревности, но Марк даже не смотрит в её сторону. Его фокус — только на мне, и в этом взгляде читается вызов.

— Я бы справилась, — бросаю я, стараясь казаться равнодушной, хотя щеки уже предательски вспыхнули.

— Конечно, — он медленно проводит пальцем по краю бокала, и я не могу отвести взгляда. — Особенно с такими... навыками переговоров.

Он не сводит с меня глаз, и в его взгляде появляется нечто опасное, почти хищное. Его взгляд скользит по моей шее, задерживается у ключицы, и я понимаю — он помнит, как целовал меня там. Помнит, и намеренно даёт мне это понять.

Но Марк забыл, с кем имеет дело. Я не собираюсь быть просто игрушкой для его эмоций.

Мой взгляд скользит по залу и останавливается на высоком брюнете у бара. Он наблюдает за нами уже несколько минут. Когда наши глаза встречаются, я позволяю себе медленную, обольстительную улыбку. Поднимаюсь из-за стола под предлогом — "пойду в туалет", — и чувствую на себе тяжелый взгляд Марка.

В дамской комнате я на мгновение задерживаюсь у зеркала. Мои глаза блестят, щеки покраснелись, а губы чуть припухли от того, как я их покусываю. Поправляю топ, чтобы он открывал ещё немного кожи, и глубоко вдыхаю. Я готова к игре.

На обратном пути незнакомец преграждает мне дорогу. Он высокий, но не настолько, как Марк. В его улыбке нет хищной грации, скорее — вежливое обаяние.

— Привет, — его пальцы едва касаются моего локтя. — Ты здесь одна?

Я делаю вид, что задумалась, нарочито медлю с ответом:

— Нет, с друзьями, — говорю небрежно. — Но они... заняты.

Он представляется Сашей, владельцем сети кофеен. Его рука остаётся на моём локте чуть дольше, чем позволено этикетом, но я не убираю её. Всё моё внимание приковано к тому, что происходит за моей спиной. Я слышу, как Марк что-то резко бросает своим спутникам, слышу, как скрипит его стул под резким движением.

— Может, выпьешь что-нибудь со мной? — предлагает Саша.

Я медленно поворачиваюсь, чтобы встретиться взглядом с Марком. Его глаза горят. В них нет ни намёка на спокойствие — только обжигающая ревность и злость. Челюсть сжата до боли, пальцы вцепились в бокал так, что кажется, вот-вот стекло треснет.

— Почему бы и нет? — отвечаю я достаточно громко, чтобы он услышал.

Мы идём к бару, и я сажусь так, чтобы Марк видел мой профиль, видел, как я смеюсь, как играю пальцами с краем бокала, как кокетливо трогаю прядь волос. Саша что-то рассказывает — я едва слушаю, всё моё внимание сосредоточено на Марке. Я ощущаю его взгляд, даже если не смотрю в его сторону.

И вот — это почти физически ощутимо — я чувствую его приближение раньше, чем слышу голос. Воздух становится густым, насыщенным электричеством.

— Ромашка, мы уезжаем.

Его голос низкий, хриплый, в нём — и сталь, и угроза, и нечто, что звучит как обещание. Я поворачиваюсь — его лицо спокойное, почти каменное, но я вижу всё: напряжённые скулы, пульсирующую на шее вену, дрожащие от сдерживаемой ярости пальцы.

— Я ещё не... — начинаю я, но мой голос звучит тише, чем хотелось бы.

— Сейчас, — перебивает он, и в этом коротком слове — приказ, угроза и нечто такое, отчего у меня перехватывает дыхание.

Когда он уходит, мои колени подкашиваются. Саша что-то спрашивает, но я уже не слышу. Все мое существо охвачено странной смесью триумфа и предвкушения. Я заставила его ревновать. Заставила потерять контроль.

Но теперь вопрос: что он сделает в ответ? И готова ли я к последствиям?

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Приглашаю Вас в новинку

Алены Амурской и Юлии Мелиховой

ТЫ МОЙ АБСОЛЮТ

<https://litnet.com/shrt/PDoN>

Глава 16 - Ревность

Я извиняюсь перед Сашей, чувствуя неловкое покалывание в груди, и быстро выхожу из комнаты, стараясь не встретиться с его взглядом. За мной, почти не слышно ступая, идёт Марк. Его шаги тяжелы, наполнены молчаливым напряжением. Между нами повисает густая, липкая тишина — ни он, ни я не решаемся что-либо сказать, пока не оказываемся на улице, где прохладный воздух немного отрезвляет.

Мы идём молча вдоль машины, и только когда я уже почти дотрагиваюсь до дверцы, Марк останавливается и медленно поворачивается ко мне. Его голос звучит неожиданно резко, почти режет:

— Ты специально? — спрашивает он наконец, его глаза сверкают в полумраке.

Я моргаю, делая вид, что не понимаю, о чём он:

— Специально что?

— Не играй в дуру, — его челюсть напряжена, он смотрит на меня пристально, словно пытается заглянуть в самую глубину души.

Я скрещиваю руки на груди, пытаюсь защититься от его пристального взгляда и неуверенности, которая подступает ко мне:

— Ты сам всё это начал, Марк. Это ты специально притащил меня к своим друзьям, чтобы я почувствовала себя ничтожной на их фоне. Чтобы показать, какая я жалкая по сравнению с ними. Ты ведь этого хотел, правда?

На секунду между нами воцаряется гробовая тишина. Марк смотрит на меня несколько долгих мгновений, его взгляд становится ледяным, голос — жестким и отстранённым:

— Ты и правда, дура, Ромашка. Причём абсолютно непроходимая.

Слова ранят меня глубже, чем я ожидала. Я отвожу взгляд, чувствуя, как обида разливается по венам горячей волной.

— Знаешь, я не собираюсь всё это слушать. Лучше пойду обратно к...

Я пытаюсь развернуться, чтобы уйти, но Марк резко перехватывает меня за локоть, и его рука, крепкая и холодная, мягко, но настойчиво разворачивает меня обратно к себе.

— Ни к кому, кроме меня, ты не пойдёшь, — чеканит он, нависая надо мной, словно не оставляя выбора, а затем резко открывает дверь машины. — Садись.

Я смотрю на него с вызовом, но внутри всё сжимается от тревоги и странного, неуместного возбуждения. Марк выглядит так, как будто спорить с ним — последнее, что стоит сейчас делать. Я нехотя опускаюсь на кожаное сиденье его Ягуара, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди.

Машина срывается с места так резко, что меня буквально вжимает в сиденье, спина прилипает к прохладной коже. Марк держит руль так крепко, что его костяшки белеют, а лицо становится маской сдерживаемого гнева. В глазах — опасная, пугающая чернота, от которой мурашки бегут по коже.

— Ты вообще понимаешь, что только что вытворяла с этим придурком? — его голос низкий, хриплый, пропитан злостью. Каждое слово — как удар.

Я делаю вид, что поправляю волосы, хотя пальцы заметно дрожат. На лице — показная уверенность, внутри — настоящий ураган.

— Разве я сделала что-то запрещённое? Я всего лишь поговорила, — пытаюсь отшутиться, но голос предательски срывается.

В этот момент он резко крутит руль, и машина бросает в сторону. Я вцепляюсь в подлокотник, ощущая, как его злость пробирает до костей. И, как бы мне ни было стыдно это признать, меня это заводит сильнее, чем я могла бы ожидать.

— "Просто поговорила", — передразнивает он меня с усмешкой, в которой больше угрозы, чем веселья. — Ты специально выгибала спину, когда проходила мимо него. Специально кусала губу, когда он тебе улыбался.

Я замираю, понимая, что он заметил абсолютно всё. Его ревность разгорается, и это сводит его с ума. Я отворачиваюсь к окну, чувствуя, как щеки заливают жар:

— Ну и что? Я ведь сразу сказала, что это не свидание. К тому же, у тебя было с кем провести время. Я свободная девушка, имею право искать себе парня. С Ромой-то у нас всё, кажется, закончилось.

Повисает густая и тяжёлая тишина. Чувствуется, как напряжение нарастает, как будто вот-вот что-то взорвётся.

Внезапно Марк резко выруливает, и машина с визгом тормозов останавливается на пустынной парковке у реки. Сердце колотится так, что я боюсь — он его услышит.

Ещё до полной остановки он хватается меня за запястье, его пальцы ледяные и сильные. Он наклоняется, и его губы почти касаются моих:

— Свободная? — его голос теперь похож на шипение, в нём столько боли и ярости, что у меня перехватывает дыхание. — Ты, кажется, забыла, с кем связалась.

Его глаза — два черных пламени. В них я вижу всё: злость, желание, обещание расплаты, страсть, которую он больше не пытается скрыть.

Я пытаюсь вырваться, но его хватка становится только крепче.

— Пусти! — мой голос дрожит, но я стараюсь выглядеть уверенно.

— А что, не нравится? — его голос становится почти ласковым, но от этого только страшнее. — Ты же сама начала эту игру.

Он проводит рукой по моему бедру, его пальцы скользят под юбку, и от каждого прикосновения по телу пробегают мурашки. Я замираю, не в силах пошевелиться, чувствуя, как предательски реагирую на его действия.

— Марк... — мой голос едва слышен, в нём больше мольбы, чем упрёка.

— Да? — его пальцы поднимаются всё выше, к самому чувствительному месту. — Что-то не так?

Я должна злиться, должна вырваться и оттолкнуть его. Но вместо этого моё тело само тянется к нему, я не могу сопротивляться.

— Ты... не имеешь права...

— Имею, — он резко притягивает меня к себе, и я чувствую его возбуждение даже сквозь тонкую ткань юбки. — Потому что ты моя.

Его губы обжигают мою шею, зубы оставляют на коже едва заметные следы. Я вскрикиваю, но это только сильнее раздражает его.

— Ты хотела ревности? — Марк шепчет мне на ухо, и от этих слов меня пробирает дрожь. — Получай.

Я задыхаюсь, не в силах справиться с бурей внутри. Он прав — я хотела этого. Хотела увидеть, на что он способен ради меня. Хотела позлить его, вызвать на эмоции. Но теперь понимаю — игра зашла слишком далеко.

Дорогие читатели! Хочу вам сегодня порекомендовать горячую новинку в жанре молодежной прозы Харли Напьер и Глории Маковой

Спорим, ты влюбишься первым?

<https://litnet.com/shrt/PuaT>

Глава 17 - Страх

Мои пальцы впиваются в её бедро так, что я только в последний момент беру себя в руки и чуть ослабляю хватку, чтоб не оставить случайно синяки.

Ася ведь и правда как ромашка. Такая же нежная, хрупкая.

Она вздрагивает, но не отталкивает меня. Чёрт возьми, она даже приоткрывает губы — розовые, влажные, слегка припухшие от того, как она их кусала, глядя на того ничтожного ублюдка в клубе.

Того придурка. Владельца кофеен или кем он там представился? Идиот.

Я прижимаю её к кожаному сиденью, чувствуя, как её грудью быстро дышит, как предательски дрожат её бёдра. Она хочет этого. Хочет меня. Даже если сама ещё не до конца поняла.

— Ты специально, да? — мой голос звучит хрипло, я едва узнаю себя. — Специально дразнишься с этими...

Мои губы скользят по её шее, зубы сжимают тонкую кожу. Она вскрикивает, и я чувствую, как её ногти впиваются мне в плечо.

Чёрт.

Я теряю контроль. Теряю его с каждой секундой, с каждым её предательским вздохом. Она пахнет чем-то сладким — духами, виски, собой. И я ненавижу себя за то, что не могу оторваться.

— Марк... — она шепчет, и в её голосе... — Пожалуйста... я не ...

Страх.

Я замираю. Отстраняюсь на дюйм, чтобы увидеть её лицо.

Она боится.

Не просто взволнована — её зрачки расширены, губы дрожат, а пальцы сжимают мою рубашку так, будто она между желанием оттолкнуть и притянуть меня ближе.

— Ты что? — я сжимаю её подбородок, заставляя смотреть мне в глаза. Голос звучит резко, но внутри — чёртова пустота. — Меня боишься?

Она не отвечает. Но я вижу ответ в её глазах.

Да.

Я отбрасываю её от себя так резко, что она едва не ударяется спиной о дверцу, но я успеваю её придержать за плечо.

— Дура непроходимая, — выдыхаю я, включая зажигание. Машина взрывается рёвом, будто чувствует мою ярость. — Сиди и не шевелись.

Я давлю на газ, выезжая на пустынную ночную трассу. В голове — каша из гнева, желания и...

Ярость!

Она боится меня.

После всего. После каждого взгляда, после каждого раза, когда я ловил себя на том, что ищу её в толпе. После того, как сегодня вечером убил бы того ублюдка за один только намёк на то, что он может к ней прикоснуться.

Она думает, я такой?

Я бросаю взгляд на неё. Она прижалась к окну, пальцы сжаты в кулаки.

— Ты вообще понимаешь, что твоя игра могла закончиться иначе? — резко бросаю я.

Она молчит.

— Этот придурок. Саша или как там ..— я почти рычу его имя, — он бы тебя не остановился, если бы ты ему позволила.

— А ты остановился бы? — она вдруг поворачивается ко мне, и в её глазах — вызов.

Машина дёргается, когда я резко торможу у её дома.

— Вот в этом вся твоя проблема, Ромашка, — я выключаю двигатель и поворачиваюсь к ней. — Ты не видишь разницы между желанием и отбитостью.

Её глаза расширяются.

— Да, я тебя хочу, — мой голос звучит низко, почти зверино. — Чёрт возьми, я хочу тебя уже месяцы. Но если бы ты сейчас сказала «нет» — я бы остановился. Потому что мне надо, чтоб ты сама захотела.

Она открывает рот, но я резко выхожу из машины, распахиваю её дверь.

— Вали. Пока я не передумал.

Она выходит, шатаясь. Я вижу, как она хочет что-то сказать, но я уже захлопываю дверь. «Идиотка.»

Я завожу машину, но не уезжаю. Смотрю, как она заходит в подъезд. Жду, пока свет в её окне не загорится.

Только тогда я бью по рулю так, что боль отдаётся в запястье.

Бойтся.

Я смеюсь. Громко, жёстко, без капли веселья.

Потом включаю первую передачу и уезжаю.

Моя квартира — стерильная пустыня из стекла и стали. Тишина здесь гудит в ушах громче, чем рёв двигателя на максимальных оборотах. Я бросаю телефон на диван. Он молчит. Она молчит.

Ну и хрен с ней. Пошла она... Ромашка бестолковая.

Я пытаюсь работать. Раскрываю отчёт. Цифры пляшут перед глазами, сливаясь в её профиль — тот самый, когда она смотрела на меня в клубе, вызываясь, с ненавистью и... чем-то ещё.

Чем-то, что сводило меня с ума.

«Дура непроходимая...»

Цокот каблучков на площадке. Женский смех.

Сердце ёкает — бессмысленный, тупой рефлекс. Не она. Никогда не она.

Я наливаю виски. Люю до краёв. Пью залпом. Ожог в горле — слабое подобие того, как она жжёт меня изнутри.

Она боится. До сих пор вижу этот взгляд. Широкие, испуганные глаза, будто я монстр, а не...

А не что?

Я бью кулаком по столешнице. Стекло трещит. По костяшкам стекает кровь. Физическая боль — сладкое отвлечение.

Воспоминание врезается, как нож:

Её шея под моими губами. Тонкая кожа, чуть солоноватая от пота. Её предательский стон, когда мои зубы сжали её. Она не оттолкнула. Наоборот — её тело выгнулось навстречу, как будто искало моих прикосновений. А потом... Потом этот проклятый страх. Как ледяная вода.

Я хватаю ключи. Не могу здесь оставаться. Эти стены давят, пропитаны её призраком. Запахом её духов — лёгких, цветочных, таких именно её.

Возвращаюсь в клуб. Шум. Музыка. Алкоголь. Псевдо друзья. Какие-то знакомые девушки. Одна из них особенно настойчива. Губы, как у неё. Но глаза не те. Никто не смотрит так — с вызовом и одновременно с такой... уязвимостью.

Она тянется ко мне:

— Марк, давай уедем отсюда...

Её пальцы скользят по моей руке.

Я резко отстраняюсь.

— Отвали.

Её обиженный взгляд и я задумываюсь. А может зря?
Трахну сейчас эту, да и все.
Какая разница? Она не она.
Но твою мать...разница есть.
Я хочу её. Асю. И не просто переспать. Я хочу увидеть в ее глазах не страх, а доверие.
Любовь...
Твою мать, с каких пор я стал таким гребанным романтиком? Что она со мной делает?
Я выхожу на улицу. Ночь холодная. Воздух не освежает, только глушит ярость, превращая её в тяжёлую, гнетущую боль где-то под рёбрами.

Машина мчится по ночному городу. Я давлю на газ, будто пытаюсь убежать. От неё. От себя. От этого чувства.

Внезапно — поворот не туда. Не к квартире. Знакомый квартал. Проклятый дом. Её окно на третьем этаже... горит.

Я торможу в тени деревьев. Глушу двигатель. Что я тут делаю?

Она появляется в окне. Сидит против света. Маленькая, хрупкая.

Моя Ромашка.

Она что-то держит в руках... Лист бумаги? Чертеж кафе?

Бешеная волна чего-то тёплого и колючего накрывает меня с головой.

Гордость за неё? Восхищение?

Чёрт возьми, она, наверное, ночами сидит над этим сараем, который я ей впаял. Из принципа. Чтобы доказать... Мне?

Или правда осуществить свою мечту?

«Ты не видишь разницы между желанием и отбитостью...»

Мои слова. Громкие. Резкие. Как пощёчина. Я вижу, как она вздрогнула тогда.

Бойтся...

Она отходит от окна. Свет гаснет.

Я сижу в темноте, сжимая руль так, что кожаный чехол скрипит.

Дура. Слепая, упрямая, невыносимая дура.

Не видит, как я сгораю. Как каждый её взгляд, каждая улыбка, каждая глупая выходка вгоняет под кожу занозу, которую не вытащить. Не понимает, что «Волковецкий» — это щит. Броня. Что под ней...

Я резко завожу машину. Фары режут тьму.

...под ней просто мужчина. Который хочет её так, что это пугает его самого. Который готов сломать всё на свете, лишь бы она перестала бояться.

И который завтра утром поедет на своё чертово совещание в компанию отца. Потому что так надо.

Но потом...

Потом я приду к ней. И мы поговорим. Без игр. Без провокаций. Без этой чертовой стены страха.

Дорогие читательницы,
Приглашаю всех в горячую новинку
Киры Лейн “Запретная любовь мажора”
<https://litnet.com/shrt/Pguy>

Глава 18 - Проблемы

На следующее утро

Будильник звонит в шесть, и я чуть не падаю с кровати, пытаюсь его выключить. Голова гудит, глаза слипаются, но мысль о том сколько у меня сегодня дел заставляют меня вскочить.

А еще воспоминания о том, что было вчера...

Дура, что я блин устроила? Зачем просто провоцировала?!

Я-то с Волковецким уж точно не собираюсь ничего общего иметь.

После универа, я приезжаю к кафе за десять минут до назначенного времени — и застаю Марка уже на месте. Он стоит, опершись о стену, и что-то говорит по телефону. Увидев меня, кивает и заканчивает разговор.

— Ты жива. Удивительно.

— Я же сказала, что готова, — ворчу я, поправляя сумку на плече.

Дождь начинается внезапно — тяжелые капли барабнят по разбитому окну, будто пытаются прорваться внутрь, завершить то, что не удалось потоку. Вода стекает по стеклу извилистыми дорожками, искажая огни уличных фонарей, превращая их в расплывчатые пятна.

Я сижу на подоконнике, обхватив колени, и наблюдаю, как Марк методично обходит помещение, то и дело останавливаясь, чтобы что-то записать в блокнот. Его движения точны, выверены — как у хирурга перед операцией.

— Полная замена коммуникаций, — бросает он через плечо, даже не глядя на меня. — Стены — антисептическая обработка плюс гидроизоляция. Пол... — Он наступает на край доски, и та с треском поддается. — Пол — демонтаж и новый настил.

— Это сколько будет стоить? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Марк наконец поднимает глаза. В полумраке его взгляд кажется почти черным.

— Больше, чем ты думаешь.

Я сглатываю. В голове уже крутятся страшные цифры, но озвучивать их не хочется. Вместо этого я спрашиваю:

— И как будем выкручиваться?

— «Мы»? — Он ухмыляется. — Пока что это твои проблемы, Ромашка. Я лишь инвестор, помнишь?

— Но ты же не позволишь проекту провалиться...

— Не позволю? — Он резко закрывает блокнот и делает несколько шагов в мою сторону. — А что, я теперь твой гарант?

Я не отвечаю. В его голосе звучит опасная нотка, и мне вдруг становится холодно, несмотря на душное помещение.

— Хочешь знать, как это работает? — Он останавливается в полуметре от меня, и я невольно вжимаюсь в стену. — Ты просишь денег — я даю. Но за каждую копейку ты должна отчитаться. За каждый шаг — ответить. И если что-то пойдет не так... — Он наклоняется так близко, что я ощущаю терпкий, с горчинкой, запах его одеколона. — Это будет твоя ответственность.

— Я готова, — выдыхаю я.

— Нет, не готова. — Он выпрямляется и проходит по комнате, словно подбирая слова. — Ты до сих пор думаешь, что это игра. Что если что-то пойдет не так, я приду и спасу тебя, как в сказке.

— Я не...

— Не ври. — Его голос становится тише, но только жестче. — Ты боишься. И правильно. Потому что страх — единственное, что удержит тебя от глупостей.

Дождь за окном усиливается, и где-то вдали гремит гром.

— Так что же мне делать? — спрашиваю я, глядя на свои дрожащие пальцы.

Марк вздыхает, внезапно сбрасывая маску холодного дельца. Он подходит ближе и неожиданно кладет руку мне на плечо.

— Учиться. Быстро. И не ошибаться.

Его прикосновение теплое, почти успокаивающее, но в глазах по-прежнему сталь.

Скоро приедут подрядчики оценить фронт работ.

У меня округляются глаза:

— Что? Ты уже...

Марк хмыкает.

— Конечно. Я привык решать проблемы сразу. Кстати, — он внезапно меняется в лице. Делается более...человечным что ли...— Ась, я хотел с тобой поговорить. О вчерашнем вечере...

Сердце пропустило удар.

Ну, вот, блин! Чего я и боялась.

В этот момент подъезжает машина, и из нее выходят трое мужчин в рабочей одежде. Подрядчики.

Переговоры идут тяжело. Марк торгуется за каждую копейку, требует гарантий, ставит жесткие сроки. Я пытаюсь вставить свои замечания, но быстро понимаю, что мое мнение здесь — просто формальность.

Когда все наконец уезжают, я опускаюсь на ступеньки и закрываю лицо руками.

Когда все наконец уезжают, я опускаюсь на ступеньки и закрываю лицо руками.

— Ты вообще понимаешь, что мы только что подписали? — спрашиваю я, чувствуя, как голова раскалывается от напряжения.

— Контракт на ремонт.

— Контракт, по которому они должны уложиться в три недели! Это нереально долго!

Марк садится рядом и неожиданно улыбается.

— А кто говорил, что будет легко?

Я хочу что-то ответить, но в этот момент его телефон звонит. Он смотрит на экран, и его лицо мгновенно становится каменным.

— Мне нужно ехать. — Он встает, отряхивает брюки. — Ты разберёшься с закупками материалов?

— Я... Да, наверное.

— Хорошо. — Он уже отходит, но вдруг останавливается. — И, Ася?

— Что?

— Дождись меня, ладно? — Марк заглядывает мне в глаза. — Я заеду за тобой. Мы съездим в ресторан, поужинаем и поговорим.

Блин. Из его уст эти слова звучат почти как угроза.

К вечеру я уже ненавижу всё на свете. Поставщики материалов оказываются не такими уж и надёжными, цены вырастают в два раза, а один из них вообще заявляет, что нужного мне кирпича нет в наличии.

Я сижу в углу будущего зала, обхватив голову руками, и думаю, как же всё это объяснить Марку.

Дождь за окном превращается в монотонный шелест, сливается с гулом в висках. Я сижу на голом бетонном полу, прижимаюсь спиной к холодной, сырой стене и тупо смотрю на экран телефона. Цифры в смете от нового поставщика пляшут перед глазами, насмешливо увеличиваясь вдвое по сравнению с утренними обещаниями.

"В связи с изменением рыночной конъюнктуры", – гласит сухой текст письма. Конъюнктура. Словечко. А для меня это значит крах. Как теперь уложиться в бюджет Марка? Как вообще что-то закупить?

"Не подведи меня".

Его слова — холодные и тяжёлые, как камни, давят на грудь сильнее, чем осознание провала. Я зарываю лицо в колени, пытаюсь заглушить панику, накатывающую волнами. Хочется кричать. Или просто исчезнуть. Вместо этого я сжимаю кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Именно в этот момент скрипит дверь.

Я вздрагиваю, резко поднимаю голову. Сердце бешено колотится — Марк? Уже? Как объяснить этот провал? Но вместо знакомой высокой худощавой фигуры в дверном проёме, подсвеченном тусклым светом уличного фонаря, стоит... громадная, мускулистая и... тоже знакомая.

Рома.

Глава 19 - Извинения

Дождь за окном усиливается, превращаясь в сплошной гул, будто город вокруг исчезает, растворяясь в потоках воды и бликах фонарей. Я поднимаю голову — и в этот момент он появляется. Рома. Его силуэт вырисовывается на фоне света, льющегося из коридора: высокий, широкий в плечах, с мокрыми, спутанными волосами, которые прилипли ко лбу. Капли дождя скатываются по его скулам, по шее, по рукавам мокрой футболки, которая плотно облегает каждую мышцу, выдавая его силу и упрямство.

— Ась... — его голос звучит непривычно глухо, будто он только что пробежал несколько километров или боролся с ветром. Я не двигаюсь. Смотрю на него, на его руки, зажимающие зонт с ромашками, на глаза, в которых отражается усталость, желание и страх. Он прикусывает губу, и я понимаю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.